

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: X ВЕК
МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: РУСЬ

Варяг

Александр Мазин

Варяг

«Автор»

2001

Мазин А. В.

Варяг / А. В. Мазин — «Автор», 2001 — (Варяг)

Сергей Духарев – бывший десантник – и не думал, что обычная вечеринка с друзьями закончится для него в десятом веке. Русь. В Киеве – князь Игорь. В Полоцке – князь Рог-волт. С севера просачиваются викинги, с юга напирают кочевники-печенеги. Время становления земли русской. Время перемен. Для Руси и для Сереги Духарева. Чужак и оболтус, избалованный цивилизацией, неожиданно проявляет настоящий мужской характер. Мир жестокий и беспощадный стал Сереге родным, в котором он по-настоящему ощутил вкус к жизни и обрел любимую женщину, друзей и даже родных. Сначала никто, потом скоморох, и, наконец, воин, завоевавший уважение варягов и ставший одним из них. Равным среди сильных.

© Мазин А. В., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	8
Глава третья,	11
Глава четвертая,	13
Глава пятая,	16
Глава шестая,	18
Глава седьмая,	20
Глава восьмая,	23
Глава девятая,	24
Глава десятая,	26
Глава одиннадцатая,	28
Глава двенадцатая,	31
Глава тринадцатая,	35
Глава четырнадцатая,	37
Глава пятнадцатая,	39
Глава шестнадцатая,	41
Глава семнадцатая,	43
Глава восемнадцатая,	46
Глава девятнадцатая,	49
Глава двадцатая	52
Глава двадцать первая,	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Мазин

Варяг

Часть первая

Кулак как орудие выживания

Глава первая, в которой бывший десантник Серега Духарев наивно полагает, что стал объектом веселой мужской шутки

«Эх, сейчас бы кружечку пива,— подумал Серега Духарев, не разлепляя глаз.— Всего одну кружечку, и — как рукой...»

Сквозь вполне знакомую головную боль (нажрался вчера, надо полагать, знатно!) постепенно пробивались и другие ощущения: тупая боль в спине, поганый привкус во рту, цвирканье птичек...

«Мать моя... — подумал Серега.— Чего это они расчирикались среди зимы? И почему спине неуютно?»

Любопытство подвигло Духарева к разлеплению одного глаза...

...после чего он тут же разлепил и второй и тупо уставился вверх.

Потолка над головой не было. Вместо него телебомкались под ветерком резные дубовые листья. Этот же ветерок, нежный, как девичья ладошка, оглаживал небритую физиономию Духарева.

«Все,— подумал он обреченно.— Крыша тютю!»

И сел.

Неприятные ощущения в спине тут же объяснились: желуди.

Серега с кряхтением поднялся во весь свой стодевяностотрехсантиметровый рост, сорвал дубовый листочек, пожевал задумчиво...

«Может, я умер? — подумал Серега.— Может, я в раю?»

Сомнительно. С таким характером, как у него, даже в ад без пропуска не пустят.

«И где ж я вчера квасил? — подумал Серега.— Или не вчера?»

Судя по погоде, с момента, к которому относились последние воспоминания Духарева, минуло минимум полгода.

«А может, я в Австралии?»

Думать было лениво. По крайней мере — без бутылки пива. А лучше — двух.

Последним воспоминанием Сереги была поездка в Москву. С друзьями Вовкой и Димкой. Димка вез в столицу какую-то текстильную лабуду на продажу, а Серегу с Димкой взял вроде бы за компанию. Ну и для охраны тоже. Может, это Вовка? Вовка — еще тот приколист. Вполне мог напоить и сунуть в самолет на Австралию или какую-нибудь Бразилию. А там договориться с аборигенами, промаксать, чтобы сволокли в лесок и запечатлели, как Духарев очухивается среди австралийских лесов!

— Эй! — гаркнул Серега.— Хорош дурить!

Единственный результат — возмущенная сорока, сорвавшаяся с соседнего дерева.

Интересно, есть ли в Австралии дубы? И сороки...

— Я пить хочу! — громко заявил Духарев, подумал немного и добавил: — И выпить.

На этот раз его даже сорока не поддержала.

Духарев сплюнул на травку, облегчил душу простым русским словом и побрел куда глаза глядят.

К счастью, глядели они в нужную сторону, и спустя некоторое время он набрел на озерцо в четверть километра шириной. Вода в озерце выглядела чистой. Такой и оказалась. Серега напился (плюнув на дизентерийные и прочие палочки), умылся, слегка ожил, побрел дальше и вскоре наткнулся на густой малинник. В самой середке малинника шуровал какой-то мужик.

– Здорово! – крикнул, подходя, Духарев. – Слышь, где это я, а?

Мужик выпрямился... и оказался вовсе не мужиком, а бурым мохнатым мишкой со слюнявой клыкастой мордой.

Серега в прямом смысле этого слова остолбенел. То есть он понимал, что надо валить. И очень быстро, но... Не мог.

Зато мог мишка. Ух он и дернул – только ошметки кустов в стороны разлетелись!

Духарев перевел дух.

– Во! – сказал он больше для самоуспокоения. – Человек – это сила!

И принялся за малину. Не пропадать же добру.

От ягод в желудке не потяжелело, но дурной вкус во рту сменился приятным. Духарев покинул малинник и поचाпал дальше. Направление выбрал – чтобы солнце в затылок светило. Настроение улучшилось: тепло, воздух чистый, деревья большие... Знать бы еще, где и куда идешь.

Часика через полтора Духарев вышел на дорогу.

Вдоль дороги тянулись две закаменевшие колеи. Слишком узкие для автомобильного колеса, но Серега, обрадованный близостью цивилизации, не придавал сей узости значения. Настроение поднялось еще на пару пунктов, даже голова, кажись, болеть стала поменьше.

– Я пока что молодой бог! И наверно, у меня опыта нет! – громко запел Духарев, безжалостно перевирая и слова, и мелодию. – Ты, девочка моя!..

Они появились внезапно. Словно из-под земли выскочили.

Человек шесть. Все низкорослые, в коже с ног до головы, бородатые и с палками-рогульками. На рожах – черным и красным – широкие полосы и зигзаги. Приколисты, одним словом.

Духарев остановился. А что еще делать, если дорогу загородили?

«Что еще за, на хрен, австралийские волосатые панки?» – подумал он.

– Хау-ду-ю-ду, мужики! – сказал он. – Какие проблемы?

Панк постарше и повыше (видно, главный) перекинул свою рогульку в левую руку, а правую протянул Духареву. Но не с целью поздороваться, а с характерным движением пальцев: мол, давай, что есть ценного.

– Не пойдет, – покачал головой Духарев.

Не очень-то он испугался. Самый крупный панк макушкой и до подбородка Духареву не доставал, а палки им не помогут. Уж в чем, в чем, а «насчет подраться» Серега был крут. Обучен. Да и силушкой Бог не обидел.

– Ну-ка! – гаркнул Духарев, шагнув вперед. – С дороги, мать вашу!

Сосед главного панка тут же ткнул Серегу рогулькой в грудь.

Ну, пеняйте на себя, волосатые!

Духарев перехватил палку, рванул – и панк шлепнулся на дорогу. Второго, сунувшегося сбоку, Серега встретил таким классным маваше, что от соприкосновения с духаревским ботинком панк воспарил птичкой и планировал метра три...

На этом все кончилось.

В затылке Духарева взорвалась маленькая, но вполне термоядерная бомба, и он выпал из странной действительности. А когда впал в нее обратно, то обнаружил, что распластан на

дороге и пришпилен к ней, как бабочка-махаон, угодившая в лапы садиста-энтомолога. Четверо панков придавили рогульками Духареву руки-ноги, а пятый прижал рогатку к горлу. Положение из разряда «отпрыгался».

Старший панк быстро обшмонал Духарева, но почему-то карманов не проверил, а вот пояс ощупал с большим вниманием. Беглого внимания панка удостоился ножик в пластмассовом чехле-рыбке. Однако когда китайское лезвие легко согнулось в его пальцах, панк с заметным пренебрежением бросил ножик на землю.

– И зачем дрался, дурачок? – спросил он.

Речь была непривычно цокающая: «Зачем дрался, дурачок?» – но безусловно русская.

– Денег нет, – продолжал между тем разочарованный панк. – Одежка дрянь, – он пренебрежительно дернул линялую джинсину, – обувь – дрянь, – пинок обутой в кожаный сапожок по десантной бутсе Сереги, – оружия нету, даже ножа правильного нету. Что за человек? Зачем дрался?

Панк выпрямился.

– На, дурачок! – На живот Духарева упала монетка. И уже своим: – Пошли, что ли.

И странная компания растворилась в лесу так же неожиданно, как и возникла.

А Серега Духарев остался валяться на дороге, в пыли, с монеткой на пузе. И чувствовал он себя без всякого преувеличения, как обосранный.

Минутки через две лежать в пыли ему надоело, и он сел. Поднял дареную монетку – металлический кружок из зеленого металла с неровными краями. Как ребенок ножницами из бумаги вырезал. На одной стороне монетки была изображена палочка с перекладиной, вроде виселицы. На другой нечто, отдаленно напоминающее мышь. Опять-таки в детском изображении.

Духарев встал, пощупал затылок: крови в волосах нет, одна пыль. И на том спасибо. Бивали его и сильнее. Намного. Серега потрогал золотую цепочку на шее, по странной случайности не замеченную грабителями, и подумал, что говорили «панки» по-русски, значит, не в Австралии он, а дома. Наверняка где-нибудь в замшелой глубинке, зато в России-матушке. Уже хорошо.

Серега сунул монетку в карман (сувенир!) и побрел дальше.

Глава вторая, в которой почти ничего не происходит, зато у Духарева появляется ощущение, что у кого-то поехал шифер: или у него самого, или у всего окружающего мироздания

Позади послышался скрип и топот. Серегу нагонял экипаж странного вида: разболтанная телега, влекомая сивой лошадкой. По обе стороны телеги, держась за борта, трусили двое мужичков-боровичков, бородатых, низеньких и коренастых. Завидев Духарева, мужички тут же влезли в телегу и продемонстрировали ему пару топоров.

Духарев набылчился, но, памятуя о «панках», сошел с дороги. Получить топором по башке не улыбалось. Телега прогрохотала мимо, но шагов через двадцать остановилась.

– Эй, паря! – окликнули его. – Куда ноги несут?

– Никуда! – буркнул Духарев, тоже останавливаясь. – Денег у меня нету!

Мужички захихикали, потом один махнул рукой:

– Давай к нам!

Духарев помотал головой.

– Не бойся, дурень! – крикнул второй мужик. Борода у него была рыжая, а у первого – желтая. Вот и все различие. – Не бойсь! Мы не тати. Сала хочешь?

Духарев подошел, запрыгнул на телегу. Второй мужик так же молча протянул ему шмат соленого сала и черную лепешку, крепостью соревнующуюся с кирпичом.

Первый свистнул, и лошаденка потрусила дальше.

– Ты как кличут? – спросил рыжебородый.

– Сергей.

– Диковинное имя. Ты че, хузарин?

– Тю, Голомята! Какой хузарин? Вишь, как сало трескает! – вмешался желтобородый.

– Ну, всяко бывает, – отозвался рыжий. – Я вот Голомята. А умник этот – Терщок. Мы купца Горазда людишки. Вольные, не холопы! Сам чей?

– Ничей, – Серега энергично работал челюстями.

– А где ж такие лбы растут? – ехидно осведомился Терщок. – Ты, часом, не дедки Водяного внук?

– Нет, – кратко ответил Духарев.

– А че смурной такой да пужливый? Обидел кто?

– А вам такие, с мордами размалеванными, не попадались?

Оба мужичка захихикали.

– Попадались, – сказал Терщок. – То Перши Лебеды ватажка.

И снова захихикали.

– Что смешного? – буркнул Серега. Показалось ему: бородачи над ним издеваются.

– Нас не трогают, – пояснил Терщок. – Перша к Гораздовой средненькой сватается. Завсегда привет передает.

– Токо Горазд все одно девку не отдаст, – сказал Голомята. – Перша богатый, да и Горазд не побирушка. За гридня отдаст, за ватажника – ни в жисть.

– Перша ране гриднем у ослецкого воеводы был, – поведал Терщок. – Да воевода выгнал: умничал много.

«У кого-то из нас крыша точно поехала! – отстраненно подумал Духарев. – А может, и не поехала? Может, это староверы какие-нибудь или, там, духоборы? А почему, собственно, нет? Вон эти, которые Кришну харят, еще и не в таких прикидах ходят!»

– Че-т, одежка на тебе чудная, Серегей,– желтобородый Трещок пощупал духаревскую рубаху.– Тонка больно. Холстина, чай, ненашенская?

– Нет,– буркнул Серега.

– А все ж, откель сам будешь, паря? – Желтобородого снедало любопытство.

– Издалека,– отрезал Духарев.

Трещок шевельнул плечами: дело твое – и заговорил уже с Голомятой.

К их беседе Серега прислушиваться не стал: все равно непонятно, о чем речь.

Телега катилась не быстрее пешехода и рессорами оборудована не была. Духарев привык к другим скоростям, но уж лучше трястись на телеге, чем лежать под ногами у еще какого-нибудь Перши.

Серега попытался осмыслить происшедшее. Происшедшее не осмысливалось. Нет, Духарев, конечно, не доктор философских наук, но башка у него варит, это все признавали. Хотя бы потому, что Серега дважды, причем честно, без взятки, поступал в универ. А что вылетал потом, так это не по глупости, а... по другим причинам. Правда, бабки зарабатывать головой у Духарева пока как-то не получалось. Да и не требовалось. Отслужил Серега в десантуре, куда, с разрядом по биатлону, он попал, считай, автоматом. В армии, правда, умение стрелять пригодились меньше, чем умение бегать. А в зоне боевых действий он провел всего восемь дней. Хватило выше крыши. Получил касательное по черепушке – и десять месяцев прокантовался в госпиталях. Люди в белых халатах все никак не могли решить: съехал у него шифер или нет? Нормально отслужил, короче. Повезло.

Дорога вильнула и вывернулась на опушку. Теперь слева зеленел луг, а пониже, за камышами, блестела речка. На речке чернели лодочки. Мирная такая картинка.

Впереди Серега увидел высокий черный забор. Из-за забора поднимался дымок и доносился мерный звон. Будто кто-то лупил ломиком по рельсе. Телега миновала черные ворота, подпрыгнула на досках, перекрывших небольшой ручей, и покатилась дальше.

Спутники Духарева перестали болтать. Трещок задремал, а Голомята кривым ножом выстругивал лошадку, занимался, так сказать, народным промыслом. Живая лошадка бежала сама по себе.

Спустя некоторое время впереди открылся холм, а на холме – городок. Поселок сельского типа: деревянные домики с черными крышами, на макушке холма – дома покрупней. Что-то типа монастыря, только почему-то без крестов. Еще Серегу прикололо, что вокруг поселка – высоченный забор. Опасливо живут старoverы.

– Слышь, Голомята, а речка ваша как называется?

Мужик отложил лошадку, ответил обстоятельно:

– Речка наша Сулейкой зовется. А впадает в Двину, что к граду Полоцку течет. Бывал?

Серега помотал головой.

– Откуда ж ты идешь, паря? – удивился Голомята.– Лицом ты вроде наш, из кривичей, а говор мне незнакомый.– И добавил с важностью: – Дивно это мне, бывалому...

Пока Голомята неспешно рассуждал о местных диалектах, Духарев безуспешно пытался соединить реальность с невозможностью. В географии Серега спецом не был, но где течет река Двина, знал прекрасно. И где город Полоцк стоит – тоже знал. Он еще мог поверить, что в какой-нибудь дикой Сибири есть места, не тронутые цивилизацией. Но не по эту сторону Уральских гор! Ни машин, ни линий электропередач...

Серега потрогал затылок. Шишка. Вполне реальная и довольно болезненная. Какой там сон! Значит, шифер все-таки поехал?

Повозка подкатилась к воротам. У ворот голый лохматый парень точил топор.

– Здорово! – крикнул ему Голомята.

– Здорово,– флегматично ответил парень.

Качок. Даже не качок – боец. Мускулатура у парня – не накачанное мясо, а реальная железная мышца. Как у покойника Брюса Ли.

Голомята покопался в сумке, выудил монетку, бросил парню. Тот поймал.

– Как съездили? – спросил он.

– Не в убытке.

– А это кто с вами?

Сергея не сразу понял, что речь – о нем.

– По дороге прибил. Его Перша ободрал.

Парень отложил топор, встал.

– Ох доиграется Перша! – посулил он, оглядел Духарева, констатировал: – А ниче парниша! Здоровый. Не пропадет. Кличут как?

– Серегей! – вместо Духарева ответил Голомята.

– Ишь ты! – удивился парень. – Чего умеешь, Серегей?

– Зубы выбивать, – мрачно ответил Духарев.

Парень ему не понравился. Наглый, как тамбовский бычок.

Парень, впрочем, не обиделся. Или намека не понял.

– Коли так, Голомята, вези его наверх. Может, сгодится в князьи люди?

– Дело, – согласился Голомята. – Свезу.

И хлестнул лошаденку.

Трещок так и не проснулся.

Дорога шла узкая, между заборов. По обе стороны – деревянные тротуары. Лошаденка топала не спеша, гоняла хвостом мух. Все вокруг было такое настоящее... слишком настоящее для самого крутого глюка...

Сергея почесал стриженую макушку, поскрипел мозгами... и принял все как есть. Ничему не удивляться, не возмущаться. И не борзеть. По крайней мере, пока ситуация не прояснится. А пока рассматривать ее как приближенную к боевой. Провоевал Духарев совсем немного, но успел усвоить накрепко: главное – выжить. Те, кто удивляется, возмущается и умничает, возвращаются домой за казенный счет, под номером «200». Не борзеть. Однако и клювом не щелкать.

Глава третья, в которой выясняется, кто крут, а кто – не очень

Улочка виляла, как уклейка, но упорно карабкалась вверх, пока не добралась до местного рынка.

Тут было шумно, толкался разный местный народ, и выглядел этот народ настолько чуждо для глаз питерского парня Сереги Духарева, что тот совсем растерялся.

– Слазь,– скомандовал Голомята.– Тебе туда! – Он махнул рукой вправо, где между домами видно было пустое пространство. А за ним – высокий забор.

– Спасибо,– Серега соскочил с телеги.

– Удачи, паря! Не робей!

Трещок так и не проснулся.

Духарев пошел в указанную сторону и минут через пять оказался у архитектурного ансамбля, который украшал вершину холма.

Первым внимание привлекал могучий забор: ряд толстых, тесно пригнанных, заостренных сверху кольев, обмазанных какой-то сизой дрянью. Кое-где над частоколом возвышались деревянные же башенки, а в одном месте ограда вытягивалась кишкой и сходилась к воротам. Над воротами тоже возвышались башенки, а сами ворота выглядели весьма солидно: высокие, окованные железом. Под старину. Впрочем, тут все было – под старину. А и в самом деле – может, это какой богатенький новорус в историю балуется? Была вроде такая мода?

Створки были приоткрыты, поэтому Духарев решил, что можно войти без стука.

По ту сторону ворот оказался довольно узкий коридор, мощный булыжником. Камни мостовой были подогнаны очень тщательно, а вот забор изнутри выглядел совсем непрезентабельно: какие-то лесенки, балки... Как будто его еще не достроили.

Никем не остановленный, Духарев миновал узкий проход и оказался на просторном, тоже мощеном дворе, с колодцем и несколькими строениями. Жемчужиной этого деревянного зодчества, вне всяких сомнений, можно было назвать особнячок в два этажа с башенками и красной крышей. Симпатичный особнячок, стильный. За особнячком высилась каланча высотой метров десять, с крохотными окошками. Предположение насчет играющего в «историю» новоруса еще более укрепилось.

По двору задумчиво бродила свинья, и явно маялся от безделья белоголовый парень лет двадцати, прикинутый, по местной моде, в ярко-синие сапожки, которые время от времени ласково поглаживал. Видно, нравилась ему собственная обувка.

На Серегу парень глянул, но вскользь. Без малейшего интереса. Свинья же Духареву вообще внимания не уделила.

Пока он топтался у входа и размышлял о том, что предпринять, за спиной раздалась ругань, чья-то рука довольно бесцеремонно отпихнула Духарева в сторону, и мимо протопали трое. Вернее, двое – в куртках с нашитыми железками, при мечях – проволокли третьего, босого, в длинной серой рубахе и перепачканных в грязи штанах с завязочками внизу.

Белоголовый парень встрепенулся.

– Поймали? – обрадовался он.

И пронзительно свистнул.

Свинья, безуспешно пытавшаяся выворотить одну из булыжин, укоризненно поглядела на белоголового.

Резные красные двери особнячка распахнулись, и на крыльцо вывалило сразу человек десять. Духарев с легкостью выделил главного: коренастого мужика лет под сорок, с вислыми усами и стрижкой «а-ля запорожский казак». Только прикинут мужик был не в пример лучше, чем братва на известной картине Репина.

- Ага,– буркнул «запорожец».– Этот?
- Он, батька, не сумлевайся! – заверил один из тех, кто приволок босоногого.
- Мужики его, слышь, прям с бабы стащили! Ну а тут и мы!
- Ага.– «Запорожец» подумал немного.– Что ж ты, злодей, чужих баб топчешь? – спросил он.

Мужик не ответил.

Вислоусый махнул рукой. Двое тут же заломили мужику руки так, что он рухнул на колени. Белоголовый закинул руку за спину и вдруг выдернул из-за плеча длинный меч. Встал над мужиком, откинул тому волосы с шеи и с короткого замаха играючи отсек склоненную голову. Отрубленная голова мячиком покатила по булыжнику, встала на ровный обрубок шеи и остановилась. Фонтан крови, бывший из обезглавленного, иссяк. А в животе Духарева образовалась противная холодная пустота. Гипотеза о богатом любителе старины растаяла, как мороженое на горячем асфальте.

Белоголовый вытер меч о рубаху убитого, оглядел придирчиво сапоги: не брызнуло ли? Кивнул удовлетворенно – чистые! – и отправил меч обратно за спину, в ножны.

Вислоусый обратил внимание на Духарева.

– Кто таков? – спросил он.

Сергея расправил плечи. Шире, чем у него, здесь плеч не было.

– На работу возьмешь? – спросил он. «Запорожец» нахмурил брови, не понял.

– Драться за тебя хочу,– пояснил Духарев.– Как эти.– Он кивнул на мужиков с оружием.

– В гридни? – Вислоусый нахмурился еще больше.– А где ж зброя твоя?

– Нет у меня зброи! – нагло заявил Сергей.– Без нее возьмешь?

Как ни странно, его дерзость «запорожцу» понравилась.

– Ничего,– помягчел он.– Всяко бывает. Ладно... Мороз!

– Чего, Скольд? – спросил белоголовый.

– Проверь молодца.

Белоголовый пригладил бесцветные усики, усмехнулся, поискал глазами, нашел какой-то шест, легко переломил пополам, одну половинку бросил Сергею, своей помахал в воздухе:

– Давай, братко!

Давай так давай. Духарев махнул обломком, целя белоголовому по ногам...

Оп-па!

Жердина как-то непонятно вырвалась из рук, а белоголовый, оказавшись рядом, больно ткнул Сергею палкой в живот. Духарев разъярился и пробил белоголовому между глаз, однако тот, ловкач, ухитрился нырнуть... и тут-то его ждало духаревское колено! Зубы белоголового звонко ляснули, но в следующее мгновение Сергей оторвался от земли, полетел через голову белоголового и грянулся оземь всеми своими килограммами. Нет, упал он грамотно, только руку немного ушиб. Тут же вскочил на ноги, перекатом... И услышал, как гогочут парни. Над ним, кстати, гогочут. Белоголовый, ухмыляясь, встряхнул палкой и изобразил, будто меч в ножны вкладывает. Остальные заржали еще громче. Обидно, однако.

– Нет, паря,– сказал с усмешкой «запорожец» Скольд.– Не возьму я тя в гридни. Иди-ка ты лучше к скоморохам, на торгу народ веселить.

Повернулся и пошел в особнячок. Остальные – за ним.

Останки казненного уже куда-то уволокли. Как и голову. Скособоченный дедок посыпал кровавую лужу песочком, а красный песок лопаткой собирал в корзину.

Сергей Духарев вздохнул, повернулся и вышел вон. Спасибо, хоть голову на плечах оставили!

Глава четвертая, в которой Серега Духарев принимает участие в местных боях без правил и даже почти выигрывает приз

Поскольку идти было некуда и в желудке бурчало, опечаленный Серега отправился на рынок. Из местной валюты у него имелся «сувенирный» грошик. Да еще несколько российских рублей мелочью завалилось в карманах. Может, какой-нибудь местный валютчик... Нет, вряд ли.

«Хорошо хоть лето, – подумал Духарев. – Тепло».

И едва не вступил в теплую навозную кучу. Выругался. Проходившая мимо женщина звонко рассмеялась. Духарев глянул на нее мрачно, и она засмеялась еще громче. Крепкая бабенка, щеки – как яблоки, грудь... хм-м... в общем, не маленькая. Тут Духарев вспомнил, как срубили голову мужику, и быстренько отвернулся. Может, за разглядывание чужих женщин тоже полагается что-то нехорошее?

Рынок был самый натуральный. Местный народец торговал всякой всячиной. Жратвой, барахлом, живностью.

Серега двинул между рядов. Торгаши им особо не интересовались. Он уже понял, что по местным понятиям вид у него не шибко крутой. Безденежный вид, одним словом.

– Молодец добрый, красивый, скушай калачик!

Тетка, поперек себя шире, в высокой, обшитой бисером шапке и металлических висюльках на непомерной груди, протягивала ему витую булку.

Серега сглотнул слюну. Угощение сердобольных попутчиков уже давно переварилось.

– Сколько? – спросил он.

– Грошик, молодец! Ах какой калачик! Нынче они мне особо удались!

Серега порылся в кармане, нашарил российский рупь:

– Пойдет?

Тетка оглядела монету.

– Это где ж такие красивые чеканят? – удивилась она. – Конечно, сгодится, молодец! Кушай на здоровье! – Тетка сунула Сереге калач и потопала вперевалочку, но быстро-быстро.

– «Переплатил», – подумал Серега и вгрызся в булку.

Булка оказалась пресноватой, хотя вполне съедобной. На вид и запах лучше, чем на вкус.

Серега брел между рядами, приглядываясь. Торговали тряпьем, довольно тусклым, какими-то железками. А вот кожа была хороша! И меха. Похоже, сплошь натуральные. В холщовых мешках возились поросята. Мемекала привязанная к колышку коза.

Целый ряд занимали торговцы овощами. Капуста, репка, морковь.

«А картоха где?» – подумал Серега.

Может, неурожай у них тут? Сомнительно.

Морды у всех – что у торгашей, что у покупателей – как на подбор: гладкие, румяные, народ почти сплошь блондинистый. И ни одной «кавказской» физиономии.

«Куда ж я все-таки попал?» – опять вылезла загнанная было в подкорку мысль.

«Цыть!» – прикрикнул на нее Серега, и мысль убралась обратно в подсознание.

– А ну кто смелый да не боязливый! – раздался звонкий крик. – А ну кто – попытать силушку богатырскую!

Серега обернулся на голос, подошел поближе.

На свободном месте образовался кружок из любопытствующих аборигенов.

Посреди кружка топтался босой детина в серой подпоясанной шнуром рубахе с засученными рукавами. Чуть подальше стояла палатка, а у палатки колотил в бубен тощий парнишка. Он и кричал.

Детина топтался в пыли, тряс связанными в хвост волосами, густой бородищей, охлывал себя по бедрам. Шея детины наводила на мысль об африканских буйволах. Толстая и грязная.

– Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – надрывался тощий парнишка. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Сергея присмотрелся к «силачку». Детина был примерно его веса, чутко поприместей. Зато лапы – как совковые лопаты.

Местный народец обступил борцовский пятачок, но Сергей, с высоты своего роста, мог без проблем озирать окрестности. Среди зрителей обнаружилось несколько вполне привлекательных девичьих мордашек. Особенно одна Духареву приглянулась: черненькая, шейка тоненькая, глазенки – как спелые турецкие сливы. Этаким темным ирис среди местных пышных георгинов.

Зазывала опять разразился воплями. Голос у него был зычный и довольно противный.

Еще утром Сергей, из лихости, может, и вылез бы на пятачок, похвалился удалью. Но здешние крутые ребята успели научить его скромности. Если этот бычара окажется так же ловок, как белоголовый Мороз, Духареву опять придется жрать пыль. По новой опозориться не хотелось. Тем более на виду у черноглазки.

Между тем на утоптаный пятачок выбрался соискатель, крепкий мужик в черной рубахе. Отстегнул пояс с ножом, стащил сапоги, закатал рукава, плюнул на ладони...

Сошлись. Без особой ловкости: сгребли друг дружку, потискали, детина изловчился, напрягся, сдавил противника, хакнул и шваркнул оземь. Мужик в черной рубахе плюхнулся всей спиной, как опрокинутая тумбочка, но поднялся сам, кряхтя, застегнул пояс, забрал сапоги и свалил. Застеснялся, должно быть.

Победитель, бахвалясь, напрягал мускулы, тряс волосатыми кулачищами.

Сергей с удовольствием разглядывал черноволосую малышку и подумывал – как бы это поделикатней с ней познакомиться.

Зазывале надоело драть глотку. Теперь он просто выстукивал марш на доньшке призового котелка и обменивался репликами с публикой.

Минут через десять появился еще претендент на призовой фонд. Помоложе. Прodelал ту же операцию: скинул ремень, сапоги, поплевал на ладошки. Но сгрести себя не дал, увернулся и смачно треснул Сычка по роже. Тот в долгу не остался, размахнулся и влепил парню кулачищем в грудь. Парень охнул, но не умер и даже не упал, а с молодецким возгласом заехал детине по уху. Сычок даже не качнулся, только ухо порозовело. Кулачищем размером с боксерскую перчатку звезданул претендента в лоб, и на этом поединок практически закончился. Претендент «поплыл», Сычок сцапал противника за грудки, поднял и шваркнул оземь в уже виденной Духаревым манере.

Два-ноль.

Могуч, спору нет. Но в общем-то ничего особенного. Хорошо держит удар, кое-какие навыки уличной драки, но движется абсолютно неграмотно, атакует бесхитростно, как молодой бычок.

«А! – залихватски подумал Духарев. – Была не была!»

Поймал взгляд черноглазки, подмигнул и полез в круг.

Зрители одобрительно заворчали.

Ремень Сергей снимать не стал. Чтоб джинсы не потерять. Просто разулся, прошелся по теплой земле.

Сычок глядел на него с любопытством.

– Ну, давай! – кивнул ему Серега.– Поехали!

Тот медлить не стал, сразу полез хватать. Серега смахнул его руки, зашел сзади, врезал пяткой под колено. Дитина тут же плюхнулся на задницу.

«Ну это же совсем другое дело!» – подумал Духарев.

Дитина встал. Он был удивлен. Снова попытался сграбастать Духарева. Тот перехватил руку и швырнул местного удальца через бедро. Тут же отметил, что упал его соперник совсем не так, как давешние кандидаты в чемпионы. Не мерзлой тушкой, а грамотно, упруго.

Третий заход. Противник применил хитрость, сделал вид, что собирается схватить, а сам левой рукой попытался заехать Духареву по роже. Счас! Разбежался! Из-под такого замаха Серега ползком уйти успеет! Нырок – и очень конкретный прямой в челюсть. Ай, молодец!

Дитина принял удар с крестьянской простотой, но устоял. Правда, глазки затуманились.

Серега гуманно дал противнику чуток отдышаться, а когда тот отвел кулачище в могучем замахе, Духарев пробил серией: в нос, в солнечное сплетение и в челюсть. Иппон! Дитина закатил глазки и рухнул.

Кто-то из зрителей одобрительно вякнул, но большинство – молчали.

«Что-то не так?» – насторожился Духарев, наткнулся взглядом на знакомую рожу: один из тех стражников, что приволокли мужика.

Вояка поймал Серегин взгляд, усмехнулся, повернулся и пошел прочь.

У Духарева отлегло от сердца.

Дитина завозился на земле, встал. Из носа его текла кровь.

Серега вспомнил про приз и подошел к тощему пареньку.

– Котел оставь себе,– сказал он.– А деньги я возьму.

– Обойдешься! – сердито буркнул парень.– Денежки в откуп пойдут.

– Какой еще откуп? – удивился и рассердился Духарев.

Дитина подошел, встал рядом. На Духарева он глядел с интересом бультерьера, обнаружившего новую разновидность кошки.

– За кровь! – отрезал парнишка и показал на разбитый нос дитины.

– Ну ни хрена себе! – рявкнул Серега, чуя, что его кидают.

Кидалова Серега не любил. Очень не любил! Просто зверел сразу...

– Ну-ка, гони бабки, козел! – гаркнул он.– Живо! Пока башку не оторвал!

Дитина шумно вздохнул. Паренек сунул руку за пазуху...

Беньк! Что-то хряснуло по многострадальной духаревской головушке, и Серега выпал в осадок.

Глава пятая, в которой говорится о местных законах, судопроизводстве, правах граждан и бесправии всех остальных

Свет сочился из щелястой стены. В свете плясали пылинки. Серега лежал на чем-то твердом, и мягкая ручка ласково ворошила его волосы.

– Б-блин!

Ничего себе – ласково! Больно, однако!

– Терпи, молодец, терпи! Попечет – перестанет! – проговорил нежный голосок. – И головой не верти, мешаешь.

Серега скосил глаза. Она. Та самая. Черноглазая.

– Привет, – сказал Духарев. – Меня Серегой зовут.

Немного иначе он представлял себе их знакомство.

– Лежи тихо, Серегой, – попросила девушка.

– Лежи, не дергайся, – вступил мальчишеский ломкий тенор. – Ранка пустяшная. Пожалел тебя Чифаня.

– Угу, – буркнул Духарев. – Я б его тоже пожалел. Раза три по почкам.

– Все, – сказала девушка, и Серега сел. Потрогал голову. На макушке – липкая тряпочка. Серега понюхал испачканные пальцы.

– Это что?

– Мед, – ответила девушка.

Или девочка.

Такая лапушка! Шейка нежная, пальчики тонкие, ресницы – веера, кожа бархатная, губки... Нет слов!

Под его взглядом девочка смутилась, отчего понравилась Духареву еще больше.

Серега огляделся. Так себе сарайчик. Пол земляной, присыпанный сеном, на веревках – пучки трав. Духарев снова посмотрел на девушку, решил: ей лет шестнадцать, не больше. А пацан – еще моложе. Нахальный такой пацан, вихрастый, в веснушках. Волосы цвета соломы, еще светлей, чем у Духарева, на девушку абсолютно не похож.

– Спасибо, милая, за заботу! – поблагодарил Серега. – Как тебя, красавица, зовут?

Девушка еще больше смутилась.

– Сладислава.

Пацан хихикнул.

– Сладой ее кличут, – сообщил он и снова хихикнул. – А меня – Мышом. А ты, значит, Серегой?

– Сергей! – Духарев подчеркнул ударение на последнем слог.

– Ну, я и говорю, Серегей, – кивнул пацан. – А сестренку мою не дразни. Она хорошая.

Духарев не очень понял, что мальчишка имеет в виду, но спорить не стал.

– Говоришь, пожалел меня твой Чифаня? Вместо денег по башке саданул! Чем это он, кстати?

– Да вот этим же! – Парнишка извлек местное оружие.

Духарев пригляделся. Нехитрая штука. Шар сантиметров пяти в диаметре с грубой железной петлей. Сквозь петлю продет ремешок. Просто, но эффективно.

– Чего уставился? Битки не видел?

– Представь, не видел! – заявил Духарев.

– И откуда ж ты такой дурной взялся? – вздохнул мальчишка. – Битки не видел, ножик твой... токо рыбу чистить.

– Дался вам мой ножик! – сердито буркнул Духарев. – А взялся я оттуда же, откуда все, понял? А Чифаню твоего я еще поймаю.

– А чего его ловить? – удивился пацан. – Он завсегда здесь, на торжке. Токо ты с ним лучше не ссорься. Он тебе худого не сделал.

– Да ну?

– А че? Откуп за кровь взять – его право. Да и плата – малая. Скольд мог и больше присудить. А стукнул тебя – тоже по праву. Тихонько, чтоб не зашибить. А мог бы и до смерти. Ты ж, как я вижу, одинец. Родичей нет, головничество спрашивать некому. Был бы ты княжий человек, тутошний свободный или хотя холоп чей, Скольд бы за тебя виру князю назначил. А ты – чужой. Так выходит – пришиб бы ты Чифаня – и остался по Правде чист!

– Хорошая у вас правда! – усмехнулся Духарев.

– Хорошая, – кивнул пацан.

– А если бы, скажем, я его убил?

– Платил бы виру и головное, до двадцати гривен серебра – сколько посадник скажет. Или князь, если по случаю заедет. Но лучше б тебе не платить, а сразу из городка бежать. У Чифани родня сильная, кожемяки. – Мальчишка покачал головой. – Прибьют. А отобьешься – опять платить.

– А им, значит, можно?

– А им – чего? Они твою кровь за кровь родича невозбранно брать могут. В своем праве.

– А если у меня денег нет?

– Продадут в холопы. Или в яму – пока не заплатишь.

– М-да, – только и мог сказать Серега.

Закончики здесь еще те!

– Ты – чужак безродный, так? – развивал тему пацан.

– Выходит, что так, – согласился Духарев.

– Не купец, не воин, не ведун, не волох... – перечислял парнишка.

– Нет.

– Значит, ты никто, Серегей, и звать ты никак. И цена тебе – грошик дырявый.

– Зачем тогда подобрали меня? – желчно осведомился Духарев.

– Да вот она попросила, – пацан кивнул на сестру. – Не то на что ты нам сдался?

– Глупый ты! – сердито бросила девушка. – Не чужой он нам! Я это еще на Торжке поняла. Сердцем. А теперь точно знаю, что брат он нам. И не болтай!

Теперь настала Серегина очередь удивляться.

– И откуда же ты это знаешь? – спросил он, улыбаясь ласково.

Вместо ответа девушка сунула руку под вырез рубашки и вытянула маленький крестик на тонкой золотой цепочке. И вихрастый Мыш тоже полез за пазуху и вытащил такой же желтый крестик.

Серега открыл рот... и закрыл. Как бы чего сдуру не ляпнуть!

– Ты наш брат во Христе, – торжественно произнесла девушка. – Господь же велел братьям в беде помогать!

И добавила что-то по-гречески. Что по-гречески, Духарев догадался только потому, что прошлым летом провел пару приятных недель на греческом побережье.

– Матушка наша во младенчестве крещена, и батюшка наш крещеный... – девушка вздохнула, – был. И нас крестил. Еще в Доростоле.

Глава шестая, в которой Серега Духарев совершенно неожиданно становится кровным братом

– Батька наш – из болгар, а мамка наша родами померла, – сообщил Мыш.

– Он ее не помнит, – сказала Слада. – Маленький был. А теперь вот мы и вовсе вдвоем, и иной родни у нас нет. И братьев-христиан здесь тоже нет. Только в Киеве.

– Той зимой варяг с князем приезжал. На полудье, – сказал Мыш. – Тож христианской веры. Но ты – не варяг. И не нурман. Слышь, Серегей, а давай мы с тобой побратаемся? – Пацан необычайно оживился. – Тебя ж так и так убьют...

– Это почему же? – возмутился Духарев.

– Да обычаю не знаешь! – отмахнулся Мыш. – И бестолковый. Тебе без разницы, а мне за ты виру дадут!

– Так сестра твоя говорит: мы и так братья.

– Не-е! Это мы по-христиански – братья. А по Правде – чужие. Ну, побратаемся? Я с Чифаней погутаю – он видаком будет и Сычку скажет. Сычок, коэшно, дурень, да глаза и у него есть. По рукам?

Духарев усмехнулся:

– По рукам. Беги за своим Чифаней.

– Прямо сразу? – удивился пацан. – А и верно! Чего нам тянуть? Вдруг ты седни и убьют! – И пулей вылетел на улицу.

– Шальной, – улыбнулась Слада. – А ты, Серегей, правильно решил. Мыш – он хороший. И слову верный, хоть и малец еще.

– А может, я не из-за него, а из-за тебя? – улыбнулся Духарев. – Может, я такой красивой девушки, как ты, еще не встречал?

Ресницы Слады вдруг задрожали.

– Не дразни меня, Серегей, – проговорила она отвернувшись. – Нехорошо это. Стыдно тебе!

«А что я такого сказал? – изумился Духарев. – Может, по здешним правилам девушек хвалить нельзя?»

Следующие полчаса прошли в грустном молчании.

От нечего делать Духарев разглядывал сарайчик. Ничего особенного, если не считать отсутствия железных деталей. Гвозди, штырьки, крючки – все сплошь деревянное. Рядом, прислоненное к стене, стояло какое-то приспособление, вроде доски с «сережками» на изогнутой ручке, «хвост» которой был отломан. На доске с большим тщанием были вырезаны фигурки: всадник, странное животное вроде верблюда, но с человеческой головой, башенка... Целая картинка, одним словом.

– Это чего? – поинтересовался Серега.

– Прялка, – с удивлением ответила Слада. Поглядела на Духарева, который вертел «прялку», пытаясь сообразить, как это можно использовать. – Сломанная.

В сарайчик вихрем ворвался Мыш.

– Договорился! – крикнул он. – Пошли! – И, ухватив Серегу за рукав, потянул наружу.

Сарайчик располагался на краю рынка. В ряду таких же скромных строений.

За дверью ждал тощий парень, съездивший Духарева по чайнику. Над парнем нависал переминавшийся с ноги на ногу квадратный грабастый Сычок.

Солнце уже висело над самыми верхушками деревьев по ту сторону реки. Вечер. Рынок опустел.

– Двинулись! – нетерпеливо потребовал Мыш и чуть ли не бегом устремился вниз по деревянному тротуару.

Духарев вопросительно взглянул на Чифаню.

– Мы на тебя обиды не держим, – сказал тот. – Не бойся.

«Однако!» – подумал Духарев, но спорить не стал, двинулся за Мышом. Чифаня не отставал. Замыкал шествие Сычок, под ногами которого доски тротуара жалобно поскрипывали. Нет, ошибся Серега, этот здоровяк его килограммов на пятнадцать потяжелее будет.

Компания вышла из городка через уже знакомые Духареву ворота. Сейчас при них сидел уже другой сторож: бородатый улыбчивый дядя лет сорока. Сторож поздоровался с Чифаней и Сычком, видно, не прочь был поболтать, но Чифаня отмахнулся: мол, спешим.

Шли не очень долго. Сначала – мимо зеленеющих полей, потом – лесом, на горку. Поднялись по утоптанной тропинке, затем по каменистому склону, вдоль ручейка – до плоского камня с загадочными значками. Из-под камня выбивался родник, который наполнял выложенную камешками ямку. Над ямкой толклись мошки. Вода, вытекавшая из ямки, и давала начало ручью.

Серегины спутники остановились. Зачерпнули ладонями воду, выпили. Серега – тоже. Вода пахла сероводородом, но пить можно.

Поднялись повыше. На взгорке, широко раскинув крученые ветви, стоял дуб. Вокруг дуба имелась невысокая оградка из черных камней, а внутри, сбоку от могучего ствола, – врытый в землю столб с грубо вырезанной мордой. Рот истукана был в темно-коричневых потеках.

Мыш остановился. На веснушчатой физиономии – невероятная торжественность. Вынул из-за пазухи деревянную посудину типа миски. Ручки у посуды были резные – повернутые друг к другу лосиные головы, сделанные, надо отметить, с большим искусством. Мыш вручил посудину Сычку. Тот соскочил с обрывчика, зачерпнул воды, ловко, как обезьяна, вскарабкался обратно и поставил чашку на землю.

Чифаня извлек здоровенный тесак, передал Мышу.

Тот засучил рукав.

– На! – он протянул тесак Сереге.

Духарев, сообразив, аккуратно чиркнул по тощему предплечью мальчишки, тоже засучил рукав и передал нож. Через несколько секунд вода в чашке замутилась от смешавшейся крови.

Мыш поднял чашу, сделал глоток, протянул Духареву. Тот тоже отпил. Делов-то, еще и не такое пивали. Мыш выплеснул остаток на утопанную землю. Жидкость моментально впиталась в песчаную почву.

Серега бросил взгляд на Чифаню... и неожиданно осознал, что это совсем не детская игра, а нечто действительно важное. И что этот малец, с которым он познакомился час назад, чья белобрысая макушка не дотягивает до Серегиного плеча, в глазах вполне взрослых Чифани и Сычка действительно стал Серегиным братом.

Повинуясь наитию, Духарев расстегнул рубашку, стянул через голову золотую цепочку и протянул пацану.

Тот на миг замешкался, потом сообразил, снял собственный крест и передал Сереге. Затем потянулся к нему, а когда Духарев наклонился, пацан обнял его и прошептал ему на ухо:

– Имя мне – Момчил.

– А мое – Дух.

Ничего лучше собственной кликухи Сереге в голову не пришло.

Духарев разомкнул объятия, поглядел на пацаненка и понял, что ему хорошо. Братьев у него раньше не было. И не думал, что когда-нибудь будут.

– Славно! – громко и торжественно произнес Чифаня.

Духарев ощутил, что отношение парня к нему тоже изменилось. Потеплело.

– Славно! – пробасил Сычок. – Айда мед пить!

Глава седьмая, где повествуется о том, как Серега Духарев чуть не угодил в рабство

Парусиновый навес над головами. Толстые чурбаки вместо стульев. Вместо столов – еще более толстые чурбаки, на которые уложены широченные доски. Степенные мужики с деревянными кружками глянули на вновь пришедших, кто-то поздоровался. Сереге обстановка сразу напомнила знакомый пивняк в Питере.

«Интересно, какое здесь пиво? – подумал Духарев. – И где представительницы прекрасного пола? Или у них – как в Азии?»

– Садись, – сказал Мыш. – Я сейчас.

Серега опустил на чурбак. Рядом плюхнулся Сычок. Чифаня отошел к другой компании.

Серега приглядывался к местным жителям. Внешность у аборигенов разнообразием не отличалась: коренастые, волосатые, скуластые. Правда, у одних – патлы до плеч, а другие, например, трое мужиков в обшитых бляхами куртках, стрижены покороче, скобкой. Но бородаты все поголовно.

Серега потрогал подбородок: щетинка еще только пробивалась. Его бритая морда в здешнюю моду явно не вписывается.

Вернулся Мыш, приволок бурдюк литров на шесть и четыре кружки, вырезанные каждая из цельного куска дерева. Ручки у кружек, изукрашенные по здешнему обычаю резьбой – переплетающимися змейками.

Мыш наполнил кружки, позвал Чифаню. Сычок алчно облапил свою кружку, но не пил, ждал, преданно глядя на Чифаню.

– За вас, братья! – строго сказал Чифаня, плеснул чуток на земляной пол, после чего с достоинством выпил.

Остальные медлить не стали. Сычок, как и Чифаня, тоже плеснул на землю, а Мыш – нет. И Серега – не стал.

«Надо будет спросить, что за обычай такой», – подумал он.

Это было не пиво. Сладковатое пойло, пряное от трав, слабенькое, как джин-тоник.

– Чифаня, я кушать хочу! – заявил Сычок, теребя рыжеватую бороду.

Чифаня вытащил кожаный мешочек, вытряс на стол содержимое: кусочки светлого металла, вероятно, серебра, монетки разные, даже парочка золотых. Чифаня выбрал из серебряных кусочков самый маленький, дал Сычку:

– Отдай Белке. Пусть накидает каши, сколько не жалко.

Кашу Сычок притащил в большущем котелке, литров на пять. У Сереги немедленно забурчало в животе. Трое его приятелей достали ложки... У Духарева ложки, ясное дело, не было.

– Удивительный ты человек, Серегей, – вздохнул Чифаня. – Даже ложки у ты нет.

– Я ему вырежу, – с готовностью заявил Мыш. – А пока моей поест.

Чифаня пожал плечами и зачерпнул кашу.

Каша напоминала перловку. Соли маловато, зато много сала. В первый раз за сегодняшний день Серега наелся от пуза.

Стемнело. На дворе кто-то разжег костер. Налетели комары. Никто, кроме Духарева, не обращал на них внимания. Бурдюк опустел, и Чифаня отправил Сычка за новой порцией.

Чифаня и Мыш обсуждали какого-то Шубку. Шубка этот зимой намеревался идти на некие Черные Мхи. Охотиться, как понял Духарев. Чифаня думал пойти с ним, но опасался.

Все знают: два года тому на Черных Мхах лесная нечисть побила охотничью ватажку. Мыш же утверждал, что побила ватажников не нечисть, а лихие людишки. Меха, добытых в зимнике, не нашли, а нечисти меха – без надобности. Она сама мохнатая.

Чифаня возражал: Мыш по-людски рассуждает, а нелюдь потому и нелюдь, что понять ее невозможно.

О нелюди и нечисти друзья говорили так, как Серегины питерские кореша под водочку толковали, скажем, об американцах. Дескать, по-русски не понимают, потому хрен поймешь, чего им надо. Одно ясно – ничего хорошего не жди.

Под навесом появилась новая компания. Человек десять, и тоже одни мужики. Возглавлял ее рослый, немного огрузневший мужчина со шрамом на лбу, коротко стриженными волосами и лопатообразной бородой. На поясе у него красовался не нож, как у большинства здешних, а настоящий меч с самоцветом на оголовье. Золотая цепь на шее в полкило весом, золотые браслеты. Местная крутизна, одним словом. Остальные перед ним явно лебезили. В одном из этих, лебезящих, Серега опознал знакомого – Голомяту. Голомята тоже узнал Духарева, помахал рукой.

Новая компания заняла целый стол, а через некоторое время от нее отделился парнишка, подошел к Духареву:

– Слышь, чужак, тебя Горазд зовет.

Серега вопросительно поглядел на Мыша, а тот в свою очередь – на Чифаню. Чифаня же пожал тощими плечами; мол, иди или не иди – дело твое.

Духарев решил подойти. Хоть позвали его, мягко говоря, неуважительно, но Голомята обошелся с Духаревым по-человечески. Нехорошо после этого его хозяину отказывать.

Сергей остановился в паре шагов от стола, который был явно побогаче, чем тот, за которым он сидел. И блюдами, и напитками.

Горазд – густая борода, челка с проседью, плечи минимум на пятьдесят четвертый размер – повернулся к Духареву, но не поднялся, остался сидеть, упершись ладонями в широко расставленные колени. Шаровары у Горазда, похоже, были из натурального шелка, красные, того же цвета, что и камень в оголовье положенного на лавку меча. Золотая цепь грузно свисала с купцово-шей. Мощная цепка – машину буксировать можно.

– Сам откуда? – спросил купец.

Голос – бас. Сочный, глубокий.

– Издалека, – уклончиво ответил Духарев.

Лицо у Горазда – жесткое, глаза темно-серые, цвета апрельской Невы. Серега мог их хорошо разглядеть, потому что посреди стола горела толстая белая свеча.

Купец молчал, и тусовка его тоже. Духарев чувствовал: для Горазда он – вещь. Сейчас вещь оценят и либо купят, либо отпихнут пинком, как перестоялый гриб. И все же была в купце некая привлекательность. Харизма. Серега осознал, что ходить под началом такого сильного человека ему было бы лестно.

– Что, побил тебя Скольдов оплечник? – произнес купец.

Духарев счел за лучшее промолчать.

– То-то, – удовлетворился его молчанием купец. – Служить ко мне пойдешь?

– А что делать? – спросил Духарев.

– Да все! – весело отвечал Горазд. – Что скажу – делать. Ты тут чужой, чего нам с тобой рядиться? Иди по-хорошему, зря обижать не стану. Не такой я хозяин! Хоть у кого спроси!

– Да, да! – оживились его шестерки. – Горазд – хорош! Горазд – добрый хозяин! Горазд...

– Без ряду не ходи! – пискнул появившийся сбоку Мыш.

– Кыш, землеройка! – добродушно проговорил Горазд.

– Не иди к нему в холопы, Серегей! – звонко крикнул Мыш. – Не иди!

– Да я в холопы и не собираюсь! – Духарев даже удивился. – Разве он меня в холопы зовет?

– А куда ж еще! – возмутился Мыш. – Служить без ряду – значит, в полные холопы! А-а-а! Да ты ж наших законов не разумеешь!

– Ну-ка уберите этого пискуна, – распорядился Горазд. – Да надавайте по шеям, чтоб в большой разговор не лез.

Однако команду купца его подручным выполнить не удалось. Духарев перехватил двоих сунувшихся, бить не стал; одного оттолкнул так, что тот впился спиной в столб, второму захватил кисть на болевой.

– Уй-уй-уй! – завопил подручный, и на выручку ему сунулись сразу четверо.

– Ша! – рыкнул Горазд, и купцовы люди остановились, а тот, кому Духарев руку выкрутил, перестал орать, только морщился.

– Отпусти его, – приказал купец, и Духарев подчинился.

– Много себе позволяешь, чужак, – проворчал Горазд. – Захочу – так тебя возьму.

– Не возьмешь! – запальчиво выкрикнул Мыш. – Он брат мне!

– Не свисти! – усмехнулся Горазд. – Голомята! Чужак те че о брате говорил?

– Не-а! – потряс лохматой бородой Голомята.

– Не брат!

Это сказал подошедший Чифаня.

«Предатель!» – подумал Духарев, но поторопился с выводами.

– Не родной брат, побратим! – продолжал Чифаня. – Я тому видок! Мыш по отчине – из княжых людей, вольный. И Серегея ты под себя взять не сможешь, коли он против. А не то – пусть Скольд рассудит!

– Во! Пусть Скольд! – поддержал Чифаню Сычок. И встал рядом с Духаревым. За их спинами маленький Мыш совсем потерялся.

– Обойдемся без Скольда, – буркнул купец.

Серега видел: Горазд раздосадован. И еще он видел, что народ в «закусочной» притих: все внимательно слушают их спор. Купец глянул из-под насупленных бровей, потом скосил глаза на лежащий на лавке меч.

«Схватит – я ему врежу! – подумал Духарев. – И будь что будет!»

Горазд меч не тронул.

– Ладно, – проворчал он. – Припомнится.

Мыш потянул Серегу за рукав: пошли.

Духарев зуб дал бы: не будь вокруг других людей, Горазд так просто не сдался бы. Показал бы силу.

– Нехорошо вышло, – сказал Чифаня, когда они вернулись за свой стол. – Горазд на обиду памятливей.

– Да чего он тебе сделает! – запальчиво крикнул Мыш.

– Мне – ничего. А вам с Серегеем – может. Пошли спать, что ли?

Глава восьмая, в которой Серега Духарев размышляет о мистическом

В соломе шуршало, в стенах скреблось и поскрипывало. Зудели комары. Снаружи, где-то на реке, орали лягушки. Ночь. Летняя ночь. Обычная летняя ночь. Только вот Серега отчетливо помнил, что его предыдущая ночь была зимней. И мелкий снег вихрился перед лобовым стеклом, неприятно снижая видимость. И никаких комаров.

Серега загадал: «Вот сейчас мигну – и снова окажусь в салоне Вовчиковой тачки!»

Не получилось. Все та же темная избенка, комары и лягухи. Спит на лавке, завернувшись в холстину, славная девочка Слада. Посапывает на соломенном тюфяке Мыш. А Сереге не спится, хотя день у него был длинный-предлинный и запутанный, как чужой сон. Ну, уже не совсем чужой. И точно не сон.

«А может, лежу я сейчас в дурдоме на коечке...» – мечтательно подумал он.

Был у Сереги школьный кореш, тоже Серега, и прикалывался на всякой мистике. И гнал всякие телеги типа, что все, что мы видим, – лабуда и дым. К примеру, идет навстречу девчушка на каблучках, с загорелым животиком, а вовсе это не животик, да и не девчушка, а просто *ничто*, на которое навесили ярлычок: клевая девочка. И по этому ярлычку ты собираешь всю картинку. А как это все на самом деле, видят только грудные младенцы. Потому что их еще не приучили «собирать картинки». И ежели этот «способ сборки» поменять, то вполне окажется, что не город вокруг, а красная пустыня, а ты не двуногое прямоходящее и пивопьющее, а какой-нибудь хвостатый ящер о шести головах.

По молодости Серега эти темы слушал с интересом. Не то чтобы верил, но... любопытно. Но экспериментировать не тянуло. И правильно. Вон тезка экспериментировал – и доигрался. То ли кислоты пережрал, то ли грибочков, но шифер у него съехал капитально, вторая группа инвалидности. Тем не менее в идеи одноклассника духаревская тема укладывалась. А возможен был и совсем простой вариант: никакой такой «прежней жизни» у Сереги не было, а просто здешние молодцы дали ему крепко по башке, и память у Духарева отшибло, да и наваялось ему, что жил он когда-то в Питере, учился в универе, бегал на лыжах... Или, к примеру, вселился в Духарева нехороший бес... В общем, идей было много, но все – «кислотные».

«Буду-ка я лучше спать», – сказал себе Серега.

И уснул.

Глава девятая, в которой не происходит ничего существенного

Проснулся Серега оттого, что Мыш пощекотал ему пятку.

– Ну здоров ты спать! – заявил названный брат. – Солнышко уж без малого на самую маковку забралось.

Серега сел, пощупал затылок; нормалек. Почти не больно.

И тут же дернулся: прямо по его ноге ползла змея!

Тьфу ты, пропасть! Обычный уж!

Серега смахнул его на пол.

– Эй, ты что! Не обижай! – сердито проговорил Мыш.

Подхватил ужа и отнес к миске с молоком. Как кошку.

– А Слада где? – спросил Духарев.

– Да в лавке, где ж ей быть, – пожал плечами Мыш и похвастался: – А я по рыбку ходил. Во! – Паренек махнул связкой окуньков и лещей. – Будет на жаренку!

– А искупаться в вашей речке можно? – осторожно спросил Духарев.

– Да почему ж нельзя? – удивился Мыш. – Пошли!

В воде отражались синее небо и зеленая листва. Мыш быстренько скинул с себя все, кувыркнулся в траве, вызвав переполох в племени кузнечиков, вскочил...

– Ух ты! – воскликнул он, восхищенно взирая на Духарева.

Серега решил было, что причина восторга – его атлетическая фигура, но оказалось, что фигура ни при чем. Предмет, потрясший воображение названного брата, – Серегины ярко-алые трусы-плавки с вышитым орлом на кармашке.

Мыш с огромным уважением пощупал тонкую ткань.

– Это кто ж те спрял такое? – поинтересовался он.

– Да я откуда знаю? – ответил Духарев. – В фришопе купил. Здесь глубоко? – Он кивнул на текущую двумя метрами ниже воду.

Вместо ответа Мыш разбежался и сиганул вниз.

– Давай! – заорал он снизу.

Серега отошел на пяток шагов, разогнался, взметнулся вверх ласточкой, описал идеальную дугу и чисто, как нож, вошел в теплую воду. Песчаное дно ударило по подставленным рукам, течение мягко потянуло за собой. Серега вынырнул и пошел поперек струи мощным кролем, наслаждаясь собственной силой, скользящей вдоль кожи водой и тем, что Мыш наверняка глазеет на него и, очень может быть, восхищается им самим, а не турецкими плавками.

Оказалось, что наблюдает за ним не только названный брат. Когда Серега достиг противоположного берега, до которого было всего ничего, меньше сотни метров, то обнаружил деревянные мостки, а на мостках – трех аборигенок, занимавшихся постирушками.

Ради Серегиного заплыва они сделали перерыв и глядели теперь с любопытством на его стриженую голову.

Аборигенки были – как куклы барби. Не по внешнему виду, а по сходству между собой: пшеничноволосые, скуластые, веснушчатые и фигуристые. Одна, видимо, побойчее, выпрямилась, не озаботившись, впрочем, освободить подол юбки, завязанный узлом намного выше колен.

– Ай да молодец! – воскликнула она, подбоченясь. – Я б такого потискала в дажьбожью ночь!

Икры у аборигенки были загорелые, а ляжки белые, как молоко.

Серега приветливо махнул рукой, повернулся и обратно поплыл уже не кролем, а баттерфляем. Что, по его мнению, смотрелось еще круче и при духаревской ширине плеч на проти-

воположный пол действовало, как прямое попадание в БТР: взрыв, огонь и полная гибель. Не то чтобы ему очень хотелось понравиться этим сочным бабенкам: с точки зрения Духарева, Слада была куда симпатичней; но Серега любил произвести впечатление.

Метрах в двадцати от своего берега Серега нырнул, а вынырнул уже прямо под Мышом, подхватил мальчишку за ноги и подкинул вверх.

– Ну ты, Серегей, ну ты плавать! – фыркая и отплевываясь, крикнул названный братишка.

Серега достиг берега и вытянулся на теплом песочке. Мыш плюхнулся рядышком.

– Слышь, Серегей, – спросил он. – А ты, часом, не нурман?

– С чего ты взял? – удивился Духарев.

– У нас так не плавают.

– Как – так?

– Да как ты. Нурманы, рассказывают, у тюленей плавать учатся. Рассказывают, нурман может полный день плыть, да не в такой воде, а в ихнем море. А там вода хол-ло-одна!

– Нет, – покачал головой Серега. – В холодной я не могу.

Он вскочил на ноги и быстро и гибко раскрутился в атакующей связке, тройном развороте с хлесткими ударами рук и ног, а закончил высоким прыжковым «ван-даммовским» уромаваши, малоэффективным в реальном бою с равным противником, но весьма зрелищным.

– Это у тебя че за танец? – поинтересовался Мыш.

– Это не танец, – слегка обиделся Духарев. – Это боевое искусство!

– Чаво?

– Боевое. Искусство! – Серега ребром ладони срубил древесный сучок.

Но эта демонстрация резкости на Мыша не произвела впечатления.

– В бою зброя нужна, – авторитетно заявил он. – Кулачком шелом не прошибешь.

Духарев спорить не стал. Он знал, что были воины, способные пробить «пустой» рукой и доспех, и грудную клетку. Но Серега, неплохо бившийся и на татами, и на улице, вполне мог перебить противнику ключицу ударом сюто, а вот срубить, как Ояма, рог у быка даже и пробовать не стал бы. Так что в отношении Духарева Мыш был абсолютно прав. Ну и ладно! Танец так танец!

Глава десятая, где выясняется, что Мыш никогда не видел летучего змея

Прошло три дня. Будучи под неусыпным присмотром Мыша, Серега, полный лох в местных понятиях, тем не менее успешно избегал неприятностей. И знакомился со своей новой средой обитания. Главным образом, с той частью этой среды, где обитал Серегин названный братишка.

Первым делом Духарева ознакомили с «недвижимостью», которой владели его новые родственники: одноэтажной избенкой с примыкающим сарайчиком, хлебом емкостью примерно в полторы коровы и двором шагов десять в поперечнике. В хлеву обитали две козы. Еще в собственности новой Серегиной семьи оказалась лавка на рынке, который у аборигенов именовался Торжком. Кстати, сам поселок тоже именовался Торжком, вернее, Малым Торжком, потому что был еще и Большой – на Двине, немного повыше места, где в нее впадала здешняя речка Сулейка. Имелись у Мыша со Сладой и земельные владения за пределами городка – огород примерно в пять соток.

Возможно, Мыш рассчитывал, что его новоприобретенный братец будет полезен в хозяйственных делах, но тут парнишку ожидало разочарование. Не то чтобы у Духарева руки из задницы росли. Мог он и дрова поколоть, и стенку из кирпича сложить, и гвоздь в стену вогнать за два удара, но только в здешнем плотницком и строительном деле гвоздями почти не пользовались, кирпичей не делали, а печи клали из тесаных камней, что было искусством очень уважаемым, но Сереге совершенно неизвестным. А уж к земледелию Духарев был абсолютно не годен: ни мотыгой, ни тяпкой не владел совершенно, равно как и не способен был даже отличить сорняк от петрушки. И, соответственно, был абсолютно бесполезен в сборе целебных растений.

Поверить в то, что такой здоровенный облом, как Серега, по жизни ни хрена не умеет, Мышу было трудно, поэтому пацан на время от Духарева отступился, но продолжал размышлять, куда бы приспособить двухсаженного братца, чтобы хоть жрачку свою окупал. Не то чтобы Мышу было жаль кормить брата, но в его белобрысой головке как-то не укладывалось понятие безделья. Духарев тоже размышлял над тем, куда приложить мускулистые руки, но отыскать неквалифицированную работу было непросто. Пару раз Серега помог приезжим купцам перекидать мешки, но профессия грузчика здесь считалась неподобающей для свободного человека и оплачивалась довольно скудно. Свободному человеку полагалось пахать, ремесленничать, торговать или воевать. Ничего из этого списка популярных профессий Духареву не подходило. В ученики же его наверняка никто не взял бы. Хорош ученик – на голову выше мастера!

Основной доход Слады и Мыша проистекал от продажи всяческих лекарственных трав и кореньев, а также мелких лекарских услуг, оказываемых Сладой населению. Когда умер их отец, Торжок остался без настоящего лекаря. Был знахарь-коновал, лечивший равно людей и скотину, была бабка-повитуха. Зашить рану или вправить сустав, в принципе, мог любой Скольдов гридень. Серьезную медицинскую помощь – вроде лечения трахомы или грыжи – мог оказать какой-нибудь волох, жрец местного бога с тем же именем. Волохи время от времени навещали Торжок. Но в их отсутствие больного приходилось доставлять на Волохово капище, до которого пешком два дня идти.

К Сладе больные обращались не очень охотно. Во-первых, чужая. В Торжке родни нет. Во-вторых, девка. Была бы замужняя да рожала, доверяли бы больше, – поведаль Сереге Мыш.

– Только кто ж ее замуж возьмет, безродную? Была бы еще красива, тогда другое дело. А так... – Мыш разочарованно махнул рукой и еще энергичнее заработал ножом.

Духарев, который почти с восхищением наблюдал, как из липовой чурочки рождается ложка, только головой покачал, в очередной раз услышав о том, что Мыш считает сестру дурнушкой.

Клочок серой тряпки, флажком выующийся на ветру, напомнил Духареву одну детскую забаву.

– Мыш, ты змея когда-нибудь пускал?

– Куда? – спросил Мыш.

– В воздух.

– Ах вот ты про какого! – пробормотал парнишка. – Ты, Серегей, это... Ну, мы, ясно, христиане, но про Горюныча лучше не болтай. Накличешь!

Духарев засмеялся:

– Не бойсь, пацан! Сейчас я тебе покажу.

Клок старой тряпки, шесть прутьев, конопляная бечевка. Стянуть, укрепить, выгнуть «спинку», чтоб лучше ловился ветер...

Мыш, не забывая стругать, с любопытством наблюдал.

Готово! В довершение Духарев угольком нарисовал на ткани круглый глаз, сильным движением метнул поделку вверх, дернул бечевку, и змей, трепыхнувшись пару раз, поймал ветер и начал уверенно карабкаться ввысь.

Мыш глядел с открытым ртом. Недоделанная ложка валялась на земле.

Серега свободной рукой хлопнул мальчишку по плечу:

– Держи!

Змей трепетал на ветру метрах в десяти. Духарев еще немножко стравил бечевку.

– Держи, говорю!

Мыш не очень уверенно перехватил поводок... И едва не упустил.

– Ой! – пискнул он. – Чуть не улетел!

– Не улетит, – успокоил Духарев. – Если отпустишь – он свалится.

Мыш дергал бечеву – змей наверху приплясывал, ныряя носом и снова поднимаясь. Мыш даже повизгивал от восторга.

– А как его обратно достать? – крикнул он.

– Сейчас, – Серега перехватил бечеву, выбрал ее, подхватил потерявшую опору игрушку.

– Серегей, слышь, а давай Чифане покажем? – с надеждой предложил Мыш.

– Давай покажем, почему бы и нет?

Глава одиннадцатая, в которой Серега Духарев снова выходит на местное татами

На рынке текла обычная рыночная жизнь. Серега уже знал, что большая часть продавцов и покупателей – не торжковские. Земледельцы из окрестных огнищ, отвоеванных у леса клочков земли, промысловики. Торговля шла вяло. Мыш ему уже объяснил, что главный торг бывает ранней весной, когда составляются караваны на юг, а речка Сулейка мало что не запружена свежесработанными челнами. Или осенью, после сбора урожая, когда всего много и возвращаются с заморскими товарами широкие купеческие лодьи. Хотя, говорил Мыш, лучшие купцы, те, что ходят «гостями» под княжьей рукой в дальние края, не ждут, когда вскроются реки, а тянутся через болотистые леса, зимниками, к югу, в Киев. Когда князь киевский пойдет торговать булгарам да ромеям собранную зимой дань, «гости» пристроятся к нему. А княжит нынче в Киеве Игорь, сказал Мыш. Но это не такой сильный князь, каким был князь Олег. И Скольд, торжковский наместник, так говорит, хотя по смерти Олега новому князю клятву давал. А Скольд – муж великий, потому что это с ним отец Мыша в Торжок пришел.

За пару дней необычные одежды местного народа Сереге примелькались, и ему уже не казалось, что он – на маскараде. А вот на него люди поглядывали. Не из-за одежды. Одежка у него была – аккурат по меркам здешних нищих. Или рабов-холопов. Всякий тутошний знал, как должно одеваться уважающему себя человеку. По прикиду определяли социальный статус и меру достатка. Мыш уже не раз намекал, что готов раскошелиться на приличную одежду для названного брата. Серега отказывался. Он считал, что не к лицу ему принимать подарки у юной девушки и мальчишки. Тем более что отдариться ему пока нечем. Так и ходил «оборванцем». Правда, когда «оборванец» в сажень ростом да почти полсажени в плечах – его особо не дразнят.

– Ай люд честной! Кто тут молодец удалой! Кто Сычка-силачка осилит, тому денег пять кун да котел медный! – зычно провозгласил Чифаня. – Выходи, не бойсь, силушке молодецкой удивись!

Сегодня вокруг снова толпился народ. Вчера Сычок с Чифаней оказались вне общественного интереса. Публику сманили два бродячих скомороха. Но попозже скоморохов зазвали в Детинец и так там напоили, что поутру скоморохам не то что плясать – ходить не хотелось.

– А вот кто смелый-небоязливый! Выходи смеряться силой! – гаркнул Чифаня, и тут же какой-то мужичок из пришлых, подбадриваемый зрителями, полез распоясываться да разуваться.

Сычок повозился с ним немного, хотя (Серега это видел) мог бы скрутить и кинуть на счет раз. Силища у Сычка была невероятная. Но Сычок очень редко боролся в полную силу. Ему Чифаня не разрешал. Во-первых, чтоб не зашиб кого. А во-вторых – не отпугнул возможных соперников.

– Во! – Мыш толкнул Духарева локтем. – Хабар идет!

К ним приближалась компания из полудюжины мужчин. Возглавлял ее средних лет – бородачи до пояса – купчина. А среди его людей выделялся пузатый, пудов на восемь, бугай, чья борода уже была расчесана надвое и аккуратно подвязана. Рожа у пузатого была абсолютно дебильная.

– Древлени! – азартно проговорил Мыш. – Счас в заклад бороться станут!

Это была основа Чифаниного бизнеса. Когда какой-нибудь богачей выставял своего борца против Сычка.

«Надо бы ему идею тотализатора предложить», – подумал Духарев.

Сговорились. Древлянин выложил три витые серебряные гривны. Чифаня – столько же по весу, но слитками.

Сошлись...

И Серега мгновенно определил, что Сычку этого кабана не завалить при всей своей немеченой силище. Обхватить его Сычок просто не мог; такую, с позволения сказать, талию вдвоем не обнять. Подсесть или кинуть противника, который килограммов на пятьдесят тяжелее тебя, можно, но трудно. В данном случае у Сычка явно не хватало квалификации. Сычок попробовал кулачную технику: врезал борову в грудь, затем в живот и, увидев, что противник оба удара совершенно проигнорировал, вlepил древлянину в лоб. На лбу осталось красное пятно. Больше – никакого результата. А потом толстяк врезал сам, с размаху, да попал прямо в солнечное сплетение, поскольку Сычок не потрудился ни сбloкировать, ни уклониться. Серега увидел, как набрякло болью и удивлением лицо Чифаниного ставленника. А толстяк широко размахнулся, даже слегка подпрыгнул – и достал Сычка в висок.

Иппон!

В толпе заорали. Чифаня возмущенно закричал. Купец тоже завопил, но противоположное по значению. Толстяк глупо ухмылялся и ждал. Когда Сычок поднялся на колено, древлянский борец попросту хряснул его по макушке, и Сычок рухнул.

Духарев подался вперед: он так и не познакомился с местными правилами, и если по этим правилам толстяк может добивать проигравшего, то Серега ему этого не позволит. По крайней мере, постарается. Сычок встал с Серегой рядом, когда возник конфликт с Гораздом. Поэтому Духареву насрать, что там у них за правила. Калечить кореша он не даст!

К счастью, толстяк больше бить не стал: прохаживался, выпятив бочкообразную грудь.

Серега протолкался к самой площадке. Мыш вцепился в ремень названного брата, чтобы не оттерли.

Чифаня и древлянин орали друг на друга. Суть сводилась к тому, считать ли удар в висок запрещенным или нет. Купец кричал: раз не сговаривались, значит – нет.

Чифаня орал: эдак и по детородным органам, выходит, можно бить, если не сговаривались?

Голос у Чифани был звонкий. У купца – раскатистый бас. Язык у обоих подвешен будь здоров. Хороший дуэт, одним словом. Толпа вокруг густела.

Поорав минут пять, спорщики сошлись на том, что поединок следует повторить. Сычок к этому времени поднялся, но глаза у него были мутные. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: этого бойца следует снять с соревнований. Тем не менее Сычок собирался драться.

Духарев положил ладонь на Чифанино плечо.

– Чего? – недовольно спросил тот.

– Прекращай. Он проиграет, – уверенно сказал Серега.

Чифаня замотал головой.

– Тогда давай я встану.

Чифаня сначала презрительно скривился, потом – вспомнил.

– Ну что ж, давай, – согласился он.

Серега начал разуваться, а Чифаня отошел проинформировать противника о замене.

Противник не согласился. Вернее, согласился, но потребовал удвоить ставку. Причем в одностороннем порядке, мол, Чифанин борец уже проиграл. Еще пять минут крика – и ставки удвоили обе стороны.

– Что мне нельзя с ним делать? – быстро спросил Серега у Мыша.

– Как это – нельзя? – опешил тот.

– Ну, нос ему разбивать нельзя, это я уже знаю. Что еще?

– А-а-а... Руку или ногу ломать нельзя. За это – три гривны. Пальцы ломать можно. Зубы выбивать нельзя. Тоже три гривны. Но это ты не бойсь, как выйдет. На кону – больше. За бороду не хватай. За причинное место. Еще плевать в лицо нельзя. Песок в глаза сыпать...

Чифаня, сговорившись, подошел, заглянул снизу в Серегины глаза.

– Смотри! – сказал. – Не сдюжишь – будешь мне три гривны должен.

– Я тебе и так должен, – усмехнулся Духарев. – Не бойсь, братан! Я его завалю.

Толстяка смена противника несколько не смутила, равно как и то, что Серега был на полголовы выше. Семенящим шажком древлянин подобрался к Духареву и, подпрыгнув, попытался врезать Сереге по морде. Должно быть, у толстяка это был коронный номер.

Но Духарева целостность собственной физиономии весьма заботила, поэтому от летящего кулака он уклонился и мощно пробил в могучее пузо. Ощущение было такое, словно кулак угодил в боксерский мешок, обернутый ватой. Толстяк слегка покачнулся и вцепился в Серегин рукав. Духарев блоком смахнул захват, но рукав при этом порвался.

«Вот сука!» – озлобился Сергей, откатнулся назад, пропуская перед собой еще один молодецкий мах, и влепил, уже совсем не стесняясь, в полный контакт, с «волной», прямо в «солнышко». Раздался чмокающий звук. Рот толстяка открылся буквой «о». Есть попадание! Несмотря на могучее сложение борца-сумоиста, по-сумоистски держать удар «кабана» не учили. Дать возможность противнику отдышаться было бы гуманно, но Духарев никогда не считал себя гуманистом. В лоб бить можно – и Серега пробил в лоб. Как по деревяшке. И звук такой же. Деревяшки Серега ломал кулаком. Кость оказалась крепче, но глаза толстяка сошлись к переносице, и «кабан», покачнувшись туда-сюда, рухнул пятаком в пыль.

– Все, – удовлетворенно произнес Серега. – Снимай шкуру, пока теплая.

Глава двенадцатая, где оказывается, что Серега Духарев заработал на хлеб с маслом, а Чифаня понятия не имеет о том, что такое тотализатор

– Твое,– Чифаня вручил Сереге три гривны, три широких обруча из серебряной проволоки.

– Да не надо мне... – пробормотал Духарев, но Чифаня даже и спорить не стал. Повернулся и пошел.

– Ну и что теперь с этим делать? – спросил Серега у Мыша.

Спросил в общем риторически, но оказалось, что у Мыша есть вполне конкретные мысли по использованию выигрыша.

– Одну на шею повесь,– распорядился он.– Пусть видят: ты человек свободный и не побирушка. Вторую дай сюда, это нам на хозяйство. А на третью пойдем тебе сапожки справим. Это ж срам один, что у тебя на ногах.

Сапожки из серого сафьяна скроили у Сереги на глазах, по мерке. Были сапожки совершенно одинаковые, что на левую, что на правую. Двое подмастерьев тут же принялись дырять и стягивать выкройки кожаными ремешками, промазывая швы белым вонючим клеем. Сапожник забрал у Сереги обруч-гривну, выдав взамен пригоршню серебра: монет и обрезков, по весу, в три четверти гривны. Еще две четверти Серега будет должен отдать при получении обуви. Ни расписок, ни квитанций Духареву не выдали. Все – на честном слове.

Среди монет одна особенно заинтересовала Серегу, поскольку надпись на ней была сделана арабской вязью. Духарев показал монетку Мышу, но тот, повертев ее в руках, не заинтересовался. Серебро как серебро.

– Пошли, может, Чифаню поищем? – предложил Сергей.

– А чего искать? – удивился Мыш.– Они домой пошли. Полдничать.

Кожевенный квартал удивил Духарева нездешней силы вонищей. Словно в родной Дерптский переулок вернулся. Мыш тоже сморщил нос, процедил:

– Кожемяки...

Родной дом Чифани стоял за крепким забором. Солидные дубовые ворота им не отперли, только махонькую калиточку. Во дворе воняло еще пуще, чем на улице. Тощий парень в ошейнике наподобие собачьего спросил:

– Чего надоть?

– Чифаню позови! – скомандовал Мыш.

Парень нехотя повернулся и поплелся к дому. Мыт догнал его и довольно сильно пнул под зад. Парень, к удивлению Сереги, вместо того чтобы повернуться и отвесить сопляку затрепину, припустил рысцой.

– Червяк ленивый! – буркнул Мыш.

– А что это у него на шее за украшение? – спросил Духарев.

– Ярмо холопское, что ж еще? – проворчал недовольный Мыш.

– Это если бы я к Горазду в холопы попал, на меня такое же надели бы? – осведомился Серега.

– Не, не такое. Железное. Ты ж не рожденный холоп, можешь и откупиться.

Два мохнатых пса с рычанием тянули в разные стороны обгрызенную рыбину. Наконец запас прочности у рыбы иссяк, и псы покатались в разные стороны – каждый со своим куском. Клычищи у псов были очень солидные. Оставалось надеяться, что собачки не заинтересуются посторонними, проникшими на их территорию.

Мыш достал нож и недоделанную ложку.

Наконец появились Чифаня с Сычком, работа была завершена, а ложка вручена Сереге. Торжественно. Еще один шажок в духаревской адаптации. Вероятно, здесь человек без ложки – все равно что новорус – без спутниковой «трубки».

– А вы не спешили! – заметил Духарев.

– А что, в твоём роду пристойно уйти с общей трапезы? – укоризненно произнес Чифаня.

– У меня в роду не принято, чтоб голодный гость во дворе топтался! – парировал Духарев.

– Гость ты иль нет – не мне решать, – возразил Чифаня.

Серега поймал укоризненный взгляд Мыша и решил тему больше не развивать.

– Пошли куда-нибудь, где перекусить можно. И поговорить заодно.

Постоялый двор под городскими воротами отличался от того, где у Сереги вышел конфликт с Гораздом. Длинный зал с низким закопченным потолком, длинный стол – во всю длину помещения.

Запах чего-то кислого смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Народу было много, но места на лавках пока хватало.

– Будь здоров! – молодой парень с только пробивающимися усами приветственно махнул рукой. Не Чифане или Мышу, что характерно, а Сереге.

– И тебе того же! – откликнулся Духарев.

Парень – из тех, что были с древлянским купцом.

Разместились. Мыш сбегал к печи, приволок горшок с кашей и кувшин со сладеньким пойлом.

– Слушай, а там мужики случайно не пиво пьют? – спросил Духарев.

– Какие мужики? – удивился Мыш.

– Да вон те!

– Ты что, умом тронулся? – воскликнул названный братишка. – Свободных людей мужиками называть!

– А что плохого? – удивился Духарев.

– А то! Это ж все равно как за бороду дернуть!

– А в этом что плохого? – снова удивился Серега.

Мыш только головой pokrutil от такого непонимания жизни.

– Погоди, – вмешался Чифаня. – У них же в роду совсем другие обычаи.

– Назвать свободного мужа мужиком, – произнес он, поворачиваясь к Духареву, – это, ясное дело, лучше, чем бабой, но слово все равно стыдное. На него не только свободный, даже закуп может обидеться.

– Да что в нем плохого? – никак не мог врубиться Серега.

– Ну... – Чифаня пошевелил пальцами. – Мужик – это почти как муж, только... это... маленький. Понял?

– Вроде бы, – кивнул Духарев. – А с бородой что?

– А с бородой, Серегей, я те так скажу: чужую вовсе не трогай, а ежели твою кто тронет – бей как умеешь. Хоть кровь пусти. Никто с тебя виры не требует. Понял?

– Вполне, – подтвердил Сергей. – А теперь скажи мне: вон те мужи, они случайно не пиво пьют?

– Пиво, – подтвердил Чифаня.

– А здесь его подают?

– Да ну его! – вмешался Мыш. – Горечь одна!

– Вон там, – показал Чифаня, – бочонок. Скажи хозяину – он те нальет. Токо нам не бери. Мы его не любим.

Пиво, впрочем, оказалось очень даже ничего. Вкусное. Под него и каша веселей пошла. Мыш с Серегой умяли ее в две минуты, а Сычок с Чифаней тем временем оприходовали бурдючок.

– Эй, ты ложку так не клади! – заметил Мыш. – Нынче богов кормить не время!

Серега безропотно забрал инструмент, облизал и спрятал в карман. Это действие ни у кого нареканий не вызвало.

– Поел? – спросил Чифаня.

– Вполне.

– Тогда говори, зачем звал?

– Скажу, – согласился Духарев. – Но сначала ты мне расскажешь, почему вы с Сычком борьбой развлекаетесь. Вы же не скоморошьего племени, верно?

– Верно, – Чифаня вздохнул. – Тут вишь какое дело... Не способен я к родовому ремеслу. Здоровьем не вышел. А в дармовых нахлебниках жить не хочу. Я и придумал. Старшие мне Сычка вот отдали. Он – из Нового города, там на кулачках драться да бороться выучился. Да и силушка при нем. Бывает, конечно, и его побьют, как вот сегодня. Да редко. А чтоб случайный какой смерд Сычка заломал – такого не было! – гордо завершил Чифаня.

– Значит, не для удовольствия ваша борьба, а для заработка? – еще раз уточнил Духарев.

– Ясно, для заработка.

– Тогда слушай, как этот заработок увеличить, – заявил Серега и изложил невинным торжковцам систему ставок.

Вначале Чифаня усомнился: чего это вдруг народ начнет об заклад биться не за своих, а непонятно за кого. Или, к примеру, если и так ясно, кто победит. Духарев объяснял терпеливо, что человек по природе своей азартен, что спорить можно не только на победу, а на то, что кто-то из борцов устоит на ногах какое-то определенное время. Кроме того, если минимальная ставка – куна и если десять ставят на Сычка, например, а двое против, то ставящие против могут проиграть всего лишь куну, а выиграть целых пять.

– А какая моя выгода? – усомнился Сычок.

– А такая, что из каждых десяти поставленных кун – одна твоя. За труды.

В общем, говорили они долго, приговорили еще пару кувшинчиков с медом и изрядное количество пива. Последнее – исключительно Духарев. Договорились. Чифаня обещал подыскать второго борца и договориться с местным рыночным людом, чтобы делали ставки для разгона. А Мыш – организовать рекламу силами местной молодежи.

Уже изрядно окосевшие, друзья выбрались на свежий воздух, облегчились... и тут Мыш вспомнил о змее. Надо же, совсем забыл, для чего они с Серегой Чифаню искали!

Игрушку собрали. Серега дал Мышу конец веревки: беги! Мыш вприпрыжку поскакал к воротам, Духарев подкинул змея, и тот взмыл в воздух. Сычок загоготал от восторга, а у Чифани даже челюсть отвисла. Змей забрался повыше, его подхватил верховой ветер, бечева натянулась струной.

Мыш промчался через ворота, прибежал обратно. Он был счастлив.

– Занятно, – сказали у Сереги за спиной.

Духарев оглянулся и увидел гридня, который побил его в Детинце. Белоголового.

– Сам придумал? – спросил белоголовый.

Духарев покачал головой.

Гридень свистнул, поманил Мыша:

– Покажи-ка.

Мыш осторожно опустил змея. Белоголовый зажал его между ладонями, оглядел.

– Понятно, – сказал он. – Полезная вещь. Если в яркий цвет покрасить – не хуже дыма будет, – задумчиво проговорил он. – Добро! – вернул змея Мышу и зашагал прочь.

– Ни здрасте, ни до свиданья! – сердито сказал Серега.

– Да ты что! – воскликнул Мыш. – Это ж Мороз! Он же двух нурманов зарубил! Ему ж сам Скольд...

– Ладно, проехали, – буркнул Серега. – Со змеем побаловались, что теперь?

– Может, еще медком побалуемся? – с надеждой спросил Сычок.

Глава тринадцатая, в которой Серега Духарев становится основоположником коммерческого спорта в городище Малый Торжок

Чифаня сработал по высшему разряду. Во-первых, нашел Сычку достойного противника – Ишку-угра, холопа со двора Жердяя, старшины гончарного конца. Во-вторых, раззадорил самого Жердяя, и тот самолично явился на рынок вместе со своими родичами и челядью. В-третьих, Чифаня дал несколько кун Мышу, а тот, в свою очередь, раздал малышне, чтобы те кричали на своих и чужих дворах про будущий кулачный поединок... Короче, когда солнце коснулось верхушек деревьев, и, стало быть, наступил назначенный для схватки час, чуть ли не пол-Торжка уже теснилось на рыночной площади. Наиболее шустрые залезли на крыши лавочек, прилавки, навесы над рядами. В результате один навес, не выдержав, рухнул. Никто, к счастью, не покалечился.

Почетные места – на принесенных лавках – были отданы старшине Жердяю и деду Чифани, костлявому высокому старику с желтой бородой, глазами философа и молодым именем – Любим. На почетное место усадили также старшин кузнецов и плотников и богатого огнищанина с того берега реки.

Дед Чифани и старшина гончаров, как водится, заложились. Каждый – на своего борца. Когда Чифаня предложил всему честному люду сделать ставки, его сначала не поняли. Чифаня разъяснил смысл предложения еще два раза, а затем по знаку Мыша несколько подговоренных заранее парней полезли вперед с деньгами. Их ставки были оговорены и проплачены. Деньги принял Духарев и громогласно объявил расклад: на Сычка – одна куна, на Ишку – три. Публика не въехала. Чифаня растолковал: ежели победит Сычок, тот, кто ставит на него куну, – получит три, а ежели Яшка, то поставивший на него получит треть своей ставки. Но десятую долю победителю в любом случае придется отдать организаторам турнира.

Кто-то заорал: несправедливо! Почему это за Сычка – вдвое, а за Ишку, считай, ничего? Но кто-то более расторопный уже полез ставить на Сычка. Через полчаса ругани и столпотворения Духарев, делавший пометки на берестяном листке, огласил новые результаты. Одиннадцать против одного на Сычка. Теперь заорали ставившие на бойца кожевников. Жердяй и Чифанин дед, с удовольствием поглядывавшие на растущую кучку серебра (старшине гончаров тоже была обещана доля), при первых же признаках беспорядка дали знак, и плечистые родичи сомкнулись вокруг организаторов представления. Наиболее рьяных возмутителей утомонила рыночная охрана, Скольдовы отроки. Опытный Духарев уговорил Чифаню отстегнуть им заранее и посулить дать еще в случае успеха предприятия. Чифаня, у которого глотка была натренирована ежедневной практикой, вскоре сумел переорать крикунов и еще раз растолковал простое правило. Поставленные на кон деньги будут поделены между всеми, кто ставил на победителя. В соответствии с личными ставками. Разобрались. Серега опять начал принимать деньги, причем обнаружил, что среди тех, кто ставил теперь на Ишку, оказалось немало уже поставивших на Сычка.

«Какой славный народ!» – подумал Духарев, торопливо царапая бересту. Просто записать ставку и имя оказалось недостаточно. Одних только Малов в списке оказалось шестеро. Приходилось вносить особые приметы; «рыжий», «рыжий маленький», «рыжий, маленький, без половины уха»...

– А я и не знал, что ты грамоте учен! – с уважением проговорил Мыш.

Духарев глянул на брата удивленно: взялся бы он иначе принимать ставки у тучи незнакомого народа!

В общем, когда подготовительная часть закончилась, солнце уже скрылось за лесом.

Начали.

Широкий белобрысый Сычок против такого же широкого чернявого Ишки.

Сегодня днем Серега попытался втолковать обоим: не торопитесь. Дайте людям полюбоваться зрелищем. Идея, понятная любому здешнему скомороху. Но у этих двух дурачков все наставления вылетели из головы, едва они встали друг против друга. Налетели, сцепились и стали давить друг из друга масло. Какое там зрелище – одно медвежье пыхтение. Публика орала. Каждый считал своим долгом подбодрить своего борца. Сычок изловчился, присел, подхватил угра под колено и бросил. Вернее, угр упал, а Сычок свалился на него. Побарахтались в пыли, встали. Разочарованный исходом силовой борьбы Сычок перешел к кулачной: размахнулся – аж позвоночник скрипнул – и влепил Ишке в скулу. Звук – будто резиновой дубинкой по деревяшке. Угр ухнул, схватил Сычка за рубаху и влепил ему башкой в подбородок. Подпрыгивавший рядом с Духаревым Мыш в азарте шлепнул Серегу по спине. Духарев восторга названного брата не разделял. С его точки зрения, это не борьба, а позор один. Уж Сычок мог бы работать поинтереснее. Опыт есть, да и Серега успел показать ему пару-тройку приемов.

Бац-шмяк... Угр ухитрился вцепиться Сычку в шею и теперь просто и незамысловато душил противника. Впрочем, душить Сычка была не такая уж и простая работенка. С его-то шеищей. Руки у угра были длиннее, чем у Сычка, зато у последнего длиннее были ноги, и Сычок принялся лупить пяткой по голени противника. Ишке это не понравилось, он отвлекся, и Сычку удалось оторвать его пальцы от собственного горла. Р-раз... И он наконец применил то, что ему показывал Серега: передняя подножка с одновременным толчком в грудь. Угр полетел на спину, Сычок подпрыгнул и приземлился пятками Ишке на живот. Пробил. Угр раззявил рот – зубов у него был явный дефицит – и безуспешно пытался вдохнуть. Вряд ли этому способствовало то, что Сычок уселся ему на грудь и, оскалившись, сдавил глотку угра железными пальцами кожемяки.

Пятки Ишки забарабанили по земле...

Духарев вскочил с места и бросился выручать угра...

Но раньше него поспел Чифанин дед.

– Сычок, кабанье семя! А НУ ОТПУСТИ ЕГО! – взревел Любим, на миг перекрыв вой и ор толпы.

От хозяйского голоса увлекшийся победитель аж подпрыгнул, коlobком скатился с угра, выпрямился и уставился на старшину взглядом нашкодившего пса.

Глава четырнадцатая, в которой в очередной раз доказывается, что напиться можно чем угодно, даже слабым домашним пивом. Главное – выпить побольше

Серегу Духарева пригласили к чужому столу. Его и Мыша. Старейшина Любим лично снизошел. Без поклона, правда, как только что звал гончарного старшину, но уважительно. Как сообщил позже Чифаня, Духарев поразил деда быстротой, с которой просчитал и распределил выигрыши между полусотней счастливых. А ведь кое-кто не поленился и перепроверить Серегины расчеты по местной системе. Быстро, сказал тоже! Серега, пока считал, изматерился про себя. Ему бы паршивенький китайский калькулятор! Но деда Любима, выходит, он и без калькулятора очаровал. Вероятно, изрядная куча серебра тоже способствовала очарованию. Богатый город – Малый Торжок. И народ разошелся воодушевленный. Выигравшие – прибылью, проигравшие – надеждой на отыгрыш. Было объявлено, что через три дня состоится следующий чемпионат. И участвовать в нем будут уже не двое, а четверо. Третий борец будет от кузнецов, а четвертым сам вызвался пришлый – молодой купец Тишка. Последняя кандидатура вызвала у Духарева сомнения, но Чифаня и Сычок уверили его, что недостаток веса кандидата вполне компенсируется происхождением (новгородец) и профессией. Купец, по здешним понятиям, всегда воин. Иной купец князьего отрока стоит. А то и гридня. Участие же представителя высших сословий поднимает престиж чемпионата.

В общем, все довольны – и отлично. Пошли ужинать.

Ужинать? Ха! Вечерняя трапеза в доме Любима – это что-то! Длиннющий стол, за которым уместилось человек сорок. Мужчин. Женщинам полагалось прислуживать, а есть – когда мужчины наедятся. Впрочем, засидевшихся можно и поторопить.

Кушали из одной миски – на двоих. Чинно. Перед каждой переменной Любим особой ложкой отстегивал пайку «предкам» – кидал в открытую печь, где горел огонь. В «столовой» было жарко, дымно и поначалу относительно тихо. Ели молча. Даже не ели – вкушали. Это уже потом, наевшись и подвыпив, кожемяки оживились и загалдели.

Серегу дед Любим посадил поближе, рассчитывая потом расспросить. Любознательный оказался дедушка. И властный. Домочадцев своих держал в ежовых рукавицах. Сыновья, здоровенные, с проседью уже мужики, отцу в рот смотрели. О прочих и говорить нечего.

Конечно, правды деду Серега рассказывать не стал. Правду он и Мышу рассказать не решился. Наплел про затерянное в горах племя, про страны заморские... В общем, в лучших традициях отечественной фантастики. Потом уж и сам не помнил, что врал. Кто-то шепнул Любиму, что гость неравнодушен к пиву, и приставленная к Сереге девчонка без устали подливала в его кружку. Скорее всего, дед Духареву не поверил: пара-тройка заданных старшиной вопросов показала, что старик в местной географии разбирается неплохо, а «странник» Сергей – ни в зуб ногой.

Короче, отужинав, взяли с собой пива да меда и удалой компанией потащились на реку. Городские ворота оказались закрыты, но за кувшинчик пива сторожевой отрок отпер им калиточку и пообещал впустить обратно – еще за один кувшинчик.

– Во! – заявил Чифаня, когда они отошли подальше. – Сразу видать, что Скольда в кремле нету!

Домой братья вернулись затемно, пьяные и веселые. Серега порывался петь песни типа «Вновь по выжженной земле иду, гермошлем защелкнув на ходу, мой „фантом“...» и так далее.

Братан Мыш тянул тоже что-то неподобающее про «милку задасту да титясту». Ввалились в избу, что-то перевернули, запалили свечу, разбудили Сладу. Серега спяну полез к ней обниматься. Девушка вывернулась молча и яростно. От этого молчаливого отпора Духарев сразу отрезвел, пробормотал:

– Прости, Сладушка, дурака пьяного! Я ж... Ничего плохого, слово!

Девушка только глазами сверкнула, так же молча загасила свечу. Серега услышал, как она улеглась: скрип досок, шуршание, шорох одеяла. Духарев постоял в темноте, покачался с носка на пятку... Слада, сонная, сердитая, желанная до невозможности, стояла у него перед глазами... «Ну ты, урод, даже и не думай!» – приказал он сам себе, вышел во двор и сунул голову в бочку с водой. Следом за ним выполз Мыш и принялся блевать в компостную яму. «Не дело это, такому мальцу пить!» – сердито подумал Духарев. И вспомнил, как лет восемь назад в одной деревушке к их столу подошла восьмилетняя девчонка и попросила портвейна. Серега ужаснулся было, но его местная подруга, девчонкина сестра, сказала: «Налей!» Он, на автомате, налил, девчонка выхлестала залпом двести граммов дрянного портвейна и ушла играть в куклы. И не блевала, это точно.

«Куда ж это я все-таки угодил?» – подумал Серега.

Этот вопрос он задавал себе каждый вечер. Но утром – никогда. Серега Духарев воевал совсем немного, однако, пока воевал, успел усвоить очень многое. Например: живи, пока живется, и, если можешь, получай от этого удовольствие. Хотя бы от того, что – живой. Иначе – абзац.

«Куда же я все-таки угодил?» – спросил себя Серега и поплелся в сарай, на сеновал. Спать.

Глава пятнадцатая, в которой внешний вид Сереги Духарева наконец-то приводится в соответствие со здешними нормами

Денег, заработанных вчера, новой семье Сереги хватило бы на годовой прокорм. Так под считал Мыш. И еще оставалось. Вот с этим «оставалось» они отправились на рынок. Спустя час Серега перестал выглядеть оборванцем. По местным меркам. Ему купили удобные свободные штаны со шнурочком и крючками, на которые можно было повесить, к примеру, кошель. Это, видно, для того, чтобы постороннему человеку удобней было его снять, ведь из кармана тащить – не всегда сподручно. Да и не додумались до карманов местные портняжки. Мыш, впрочем, объяснил брату: понимающие люди носят кошель не снаружи, а изнутри, в штанах. За веревочкой-гашником. Толково. Жаль – доставать неудобно. Еще Сереге купили рубашу с замысловатой красной вышивкой. Вышивка, как выяснилось, не просто украшение, а оберег, которому предназначено защищать Серегу от стрелы и огня. А вот от борца да кулачного бойца нужен особый оберег, заявил торговец, который, как выяснилось, присутствовал и на вчерашнем ристалище (проиграл половину нурманской марки), и в первый день, когда Серега побил Сычка. Особый оберег у торговца, ясное дело, имелся. И стоил пустячок. Полгривны. Учитывая, что гривна и марка были примерно в одном весе – граммов двести серебра, торговец, вероятно, решил компенсировать вчерашний проигрыш. Не вышло.

– Вот мой оберег! – заявил Духарев, показав кулак.

Кулак у Сереги был поменьше, чем, например, у Сычка. Но зато пользоваться им Духарев умел не в пример лучше. Торговец это знал и больше не настаивал.

Вышли из лавочки вполне довольные. Особенно Мыш, который торговался отчаянно и на каждой вещи ухитрялся скинуть самое малое треть стоимости.

С рынка отправились за город, к кузнецу. Мыш заявил, что дешевле купить прямо в кузне, чем на торжке. Тем более кузнец, или, как говорил Мыш, – коваль, – дружил когда-то с Мышовым отцом.

Кузнечный двор был тот, мимо которого Серега проезжал в первый день с Гораздовыми приказчиками. Кузнец, мускулистый мужик в прожженном фартуке, особого восторга не выразил. Флегматично кивнул, выбрал заготовку, махнул Духареву, чтоб стал к мехам. Серега сначала не понял, как с этой штуковиной обращаться, помог Мыш. Заготовку раскалили, затем принялись обстукивать молотами: мастер – средним, а подмастерье, широкогрудый и длиннорукий, как горилла, – насаженной на рукоять чушкой в полпуда весом. Грохот, искры... Ничего интересного. Серега вышел во двор, где еще двое подмастерьев подковывали коня. Один держал ногу, второй загонял гвозди прямо в живое копыто. Серега раньше никогда не видел, как подковывают лошадей, на миг представил, как ему самому в кость вбивают железный гвоздище... Но коню, похоже, было не больно. Хозяин держал животное за узду и успокаивающе охлопывал.

Лязг молотков стих. Кузнец вышел во двор, вынес, держа в клещах, новенький нож, сунул в бочку с водой, подождал, вытянул, оглядел, кивнул удовлетворенно.

Через полчаса Сереге был вручен уже насаженный на рукоять, вполне приличный нож длиной сантиметров тридцать. У основания клинка имелось крохотное клеймо – кружок с рожками.

Серега махнул пару раз обновкой – вроде нормально. Держать удобно. Работать ножом Духарева учили. Не так чтобы очень, но порезать жилы не очень крутому противнику он мог бы. И попасть в столб с десяти шагов – тоже. Столб имелся. Серега метнул. Попал, не опозорился.

Мыш расплатился, и они отправились обратно в городок. Нож Духарев нес в руке.

– Ножны Чифаня даст, – заявил Мыш.

Прожив на новом месте почти неделю, Духарев уже неплохо ориентировался. Правда, только на левом берегу. На правом, в выселках, он еще не бывал. Только когда плавал от берега к берегу.

Малый Торжок занимал стратегически удобную позицию. На холме. В этом был наверняка еще один плюс. Во время весенних разливов Сулейка не подмывала городских стен.

Городок был сплошь деревянный – от внешних стен до детинца-кремля. В стене – двое ворот. Главные и поменьше. Пройти весь городок из конца в конец можно было минут за пятнадцать. А состоял он именно из «концов». По ремеслам. А концы, в свою очередь, – из дворов, тоже огороженных и по сути – крепостей, только маленьких.

Большой крепостью был кремль. Он, как узнал Духарев, мог при необходимости вместить всех жителей города и выселок. Вместить-то мог, но пришлось бы тесниться. Впрочем, это мало кого смущало. Жить захочешь – потеснишься! Общественные припасы тоже хранились в кремле. На случай осады – и у княжьего наместника под присмотром!

Городские площади – вечевая и рыночная – располагались в непосредственной близости от кремля. И это Серега тоже оценил: ежели кто вознамерится штурмовать деревянные стены, то укрыться от разных острых предметов, коими наверняка начнут швыряться защитники, штурмующему будет довольно трудно.

Кроме дворов ремесленных имелись еще дворы купеческие. Например, двор Горазда располагался вплотную к рынку. Солидный двор. Тын – не ниже городских стен. Были еще дворы гостевые и одинцовые. Вроде того, что у новых Чифаниных родичей.

Вообще-то пришлые селились отдельно. На выселках. Чтобы поставить или купить двор внутри стен, требовалось одобрение городского старшины и разрешение наместника. Последний мог обойтись и без народного одобрения, но тогда пришелец селился уже в самом Детинце.

Законы и порядки Малого Торжка Серега выводывал очень настырно и старался хорошенько запомнить. Незнание «понятий» не освобождает от ответственности, но зато способствует освобождению от имущества, свободы и жизни.

Поспросив прохожих (здесь все знали всех), Мыш отыскал Чифаню с неразлучным Сычком, и все четверо отправились в Любимову лавку. Чифаня собственноручно подобрал чехол для ножа и повесил его на Серегин пояс: единственную, если не считать плавок, вещь, оставшуюся у него из прежней жизни.

– Дар! – солидно сказал Чифаня.

Лавочник-закуп, торговавший кожаным товаром, не возражал. Чифаня был – из старших родовичей и мог распоряжаться родовым имуществом. Во всяком случае, на уровне чехла для ножа.

Разобравшись с вооружением, в складчину купили копченой свинины, лепех, огурчиков, квасу (Сычок намекал на что-нибудь покрепче, но ему не вняли) – и отправились на реку. Серега ощущал себя будто в отпуске. Для полного удовольствия не хватало только девочек.

Чтобы утрясти обед, Духарев слегка погонял Сычка, обучая разным приемчикам. Мозгов у Сычка было немного, но с остальным дела обстояли неплохо. А уж удар он держал – загляденье. И это – без всякой техники, исключительно на здоровье.

«Я из него сделаю чемпиона! – твердо решил Духарев. – По крайней мере – местного масштаба».

Глава шестнадцатая, в которой Серега Духарев лично участвует в собственном шоу, а чуть позже делает два полезных вывода

Ишку-угра Сычок опять завалил. И кузнеца, этакую человекообразную машину с немеченой мускулатурой, – тоже. Подбил ногу выученным у Сереги приемом, уселся сверху и взял на болевой. Кузнец взвыл и запросил пощады. Не будь у кузнеца такой могучей мышцы, не умеющий соразмерять силу Сычок вообще порвал бы сопернику связки. Третий противник, из купцов, по предложению Духарева сначала боролся с Ишкой и управился с ним на удивление легко. Раз-два – и угр уже воткнулся мордой в землю. С Сычком купчина провозился дольше, но потом исхитрился и кинул Сычка через себя. Классически – с упором стопы в живот. Картинка была замечательная: Сычок был килограммов на двадцать тяжелее худощавого и подвижного купчины. Кинул, перевернулся проворно и наступил пяткой на Сычково горло. Наступил и убрал ногу. Но оспаривать его победу никто не стал. Видно же, что пожалел лежащего.

Народ был в восторге. Эта публика, в отличие от публики древнеримской, а также – и от многих Серегиных соотечественников, кровожадностью не отличалась.

Духарев отсчитал победителю премиальные.

– Устал? – спросил он.

– Есть маленько, – признал купчина.

Красивый малый: глаза синие, волосы темно-русые, а борода – светлая.

– А завтра со мной бороться будешь?

– Гривна, – ни секунды не помедлил купчина. – А повалю тебя – две.

– По рукам! – согласился Духарев.

И оповестил Чифаню, чтоб тот, в свою очередь, оповестил народ.

Вообще-то Духарев не рассчитывал, что их шоу будет неизменно собирать аншлаг. И был приятно удивлен, когда и по третьему разу набежала изрядная толпа. Нет, конечно, далеко не все ставили значительные суммы, да и вообще ставили не все. Многие просто пришли посмотреть зрелище.

«Мы у них теперь будем вместо вечернего сериала», – подумал Духарев.

На этот раз ставки собирал сам Чифаня. Он же дал команду начинать.

Купчина атаковать не торопился. Правильная тактика. Серега был для него темной лошадкой.

Серега попробовал его «развести»: имитировал атаку и тут же подался назад, провоцируя на нападение, – но купчина не «развелся».

Пришлось атаковать по-настоящему, хотя и сам Духарев немного осторожничал. Повредить противнику организм сверх необходимого – не самый лучший вариант.

Купчина из-под атаки ушел. Очень грамотно и четко. Духарев не мог не восхищаться: ни одного лишнего движения, уклоны ровно настолько, насколько требуется. Ни сантиметром больше. А вот контратака у купчины явно хромала. Резкие, но легко видимые удары по ногам, захваты слабые, удары проносные, расхлябанные. Великолепный бросок, которым купчина метнул через себя Сычка, с Серегой не прошел бы никогда. Тот просто не позволил бы себя схватить. Лягался купчина сильно и больно. Но почему-то целил всегда по ногам, так что предугадать его движения было несложно.

Убедившись, что держать удары противника – сущие пустяки, Духарев обнаглел, плюнул на защиту, оберегая только голову и все, что ниже пояса, – начал финтить и в конце концов достал купчину длинным, пробитым из-под руки май-гери. В последний момент противник

попытался заблокировать летящую в живот Серегину ногу, но блок, быстрый и резкий, почему-то пошел сбоку, Серега вцепил прямо в «солнышко», и поединок закончился.

Только позже, анализируя весьма интересный поединок, Духарев понял, почему техника противника выглядела одновременно и искусной, и ограниченной. Словно бы чего-то ей не хватало. В общем, Серега понял, чего ей не хватало. Оружия. Будь у купчины даже не меч, а банальная палка – и финальный удар Духарева принес бы ему не победу, а разбитую голень.

«Ну, будь у него палка, я бы тоже иначе работал!» – успокоил себя Серега.

– Эй! – толкнул Духарева Сычок. – Ты че пригорюнился? Айда мед пить!

– Я – пиво, – машинально отозвался Серега.

– Пей что душа желает! – радостно заявил Сычок. – Куны есть!

– С вами алкоголиком станешь, – усмехнулся Духарев.

– Алкоголяк – это кто? – заинтересовался Сычок.

– На тебя похож! – ответил Духарев.

– Да будет тебе! – Сычок самодовольно ухмыльнулся. – Ты тоже на морду красен!

Духарев не сразу сообразил, что красивый и красный – для Сычка синонимы.

В общем, они отправились на полюбившийся постоянный двор и опять напились.

Но до этого Серега успел сделать два полезных вывода. Первый: до настоящего, по здешним меркам, бойца ему далеко, но в кулачных боях, именно из-за привычки народа к оружию, у Духарева преимущество. Это как с обученным солдатом, который на татами раз за разом пропускает удар в печень. Потому что привык: правый бок прикрыт прикладом автомата. Второй: в тех случаях, когда противник Сычку не по зубам, Сереге имеет смысл выходить самому. Два полезных вывода и одна идея: а кто, собственно, сказал, что противник должен быть один? Пусть их будет двое. Или больше. Серега любил и умел работать с группой. А зрелище от этого только выиграет.

Глава семнадцатая, в которой выясняется, что Серега Духарев еще помнит кое-что из классики

Слада ухватом вынула из печи горшок. Вкусный запах тушеного с овощами мяса достиг Серегиного носа и вызвал неудержимое слюноотделение. Солнце, воздух и вода вызывают здоровый аппетит и кардинально снимают синдром абстиненции, в просторечии именуемый похмельем.

Слада поставила на стол три деревянные миски. Дома они с Мышом не соблюдали здешнее правило: женщины едят после мужчин. И пищу в огонь – божкам – не бросали.

– Кирие элейсон... – нестройно затянули Мыш со Сладой.

– Отче наш, иже еси... – по-русски вторил им Серега единственную молитву, которую помнил.

Помолившись, принялись за еду.

– Вкусно! – похвалил Серега.

– На здоровье, – Слада держалась с Сергеем очень вежливо, но какой-то кусочек теплоты, который возник между ними вначале, пропал.

Духареву от этого было грустно. Девушка ему очень нравилась, может, даже больше, чем просто нравилась. Но он совершенно не знал, как к ней подойти, как сказать, чтобы поняла: она Сереге очень даже небезразлична. Раньше у Духарева никогда таких проблем не было. Ну, по крайней мере, с тех пор, как сошли со щек подростковые прыщи. Когда какой-нибудь там Горазд называл Серегу чужаком, тот воспринимал это спокойно, потому что при этом чужаком себя вовсе не чувствовал. А вот со Сладой... Это было – как пропасть. Хуже, чем другой язык. Это как если ты киваешь головой в знак согласия, а для другого кивок означает «нет». Серега помнил еще с занятий по психологии, что у каждого народа своя «дистанция близости». Одни чувствуют себя неуютно, если собеседник оказывается на расстоянии полутора метров, а другие – ближе вытянутой руки.

Едва Серега приближался к Сладе ближе этих самых полутора метров, как она тут же отходила назад. И что с этим делать, Духарев понятия не имел.

– Слада, а ты свой-то язык помнишь? – спросил он.

– Как это – свой? – влез Мыш.

– Болгарский.

– Болгарский, – поправил Мыш.

– Пускай, – не стал спорить Духарев. – Так вы можете говорить по-болгарски или уже забыли?

Мыш засмеялся, а Слада спокойно ответила:

– Мы и говорим по-болгарски.

Мыш поглядел на Духарева и захихикал.

Серега подобрал отвисшую челюсть.

– А я на каком языке говорю? – спросил он, чувствуя себя полным идиотом.

– На нашем, ясное дело! – ответил Мыш. – Ну, говор у тебя нездешний, ну так и у нас нездешний, дык когда муром какой-нито говорить начинает, так его и совсем не поймешь. А ты... К нам нурманы Князевы той зимой прибежали, так у них выговор похожий, но ты лучше говоришь. Видно, что смалу по-нашему болтать выучился. А по-нурмански можешь?

– Нет, – покачал головой Серега.

– А еще по какому-нибудь?

– It was many and many a years ago,
In a kingdom by the sea,
That a maiden there lived whom you may know
By the name of Annabe Lee; —
Than to love and be loved by me...¹ —

прочитал Духарев.

Почему именно это стихотворение пришло ему на ум, Серега не смог бы ответить. Пришло, и все тут.

– Это ты по-каковски? – заинтересовался Мыш.

– По-английски.

– А как это по-нашему будет?

– С тех пор пролетели года и года.

У моря, где край земли,
Вы, может быть, девушку знали тогда
По имени Аннабель Ли,—
Друг другу сердца отдав навсегда,
Мы расстаться на миг не могли...²
– А дальше? – жадно спросила Слада.

Серега хотел сказать, что не помнит: читать стихи вслух он не любил. Но лишь глянул в сияющие глазенки и продолжил:

– Мы были как дети, она и я,
У моря, где край земли,
В то давнее, давнее время, когда
Жила здесь Аннабель Ли,—
И ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли.

И вот почему из тучи тогда,
У моря, где край земли,
Ветер холодный смертью дохнул
На прекрасную Аннабель Ли.
И богатый сородич пришел за ней,
И ее схоронили вдали,
В пышной гробнице ее схоронил,
У моря, где край земли.
Да! Ангелы неба смотреть на нас
Без зависти не могли —
И вот (все это знали тогда
У моря, где край земли)
Ветер дунул из туч ночных,
Сгубил мою Аннабель Ли.

¹ Edgar Allan Poe. Annabel Lee.

² Перевод А. Оленича Гнененко.

Но самые мудрые никогда
Любить так, как мы, не могли,
Сильнее любить не могли.
И ангелы неба не смели тогда,
И демоны недр земли
Разделить, разлучить душу мою
И душу Аннабель Ли.

Сиянье луны навевает мне сны
О прекрасной Аннабель Ли.
Если всходит звезда, в ней мерцает всегда
Взор прекрасной Аннабель Ли.
Бьет ночной прибой – и я рядом с тобой,
С моею душой и женой дорогой,—
Там, в гробнице, где край земли,
Там, у моря, где край земли!

В глазах Слады блестели слезы.

«Не зря все-таки я в универе учился!» – подумал Духарев.

– А мы раньше тож у моря жили! – заявил Мыш. – Ну, не я то есть, а батя наш. Слышь, Сергей, а ты про витязей истории знаешь?

– Знаю, – кивнул Духарев.

– Расскажи!

– Не сейчас, вечером, – сказал Серега.

Слада встала и начала убирать со стола. На Сергея она по-прежнему старалась не смотреть, но сейчас это его уже не огорчало. Теперь-то он знал, как растопить лед.

Глава восемнадцатая, в которой у Слады появляется жених, а Серега Духарев совершенно неожиданно для себя принимает жизненно важное решение

Мир, в который инкарнировался, переместился или... ну, в общем, как-то угодил Серега, понемногу обретал знакомые черты. Исторические.

Где-то на севере стоял Новгород – родной город Сычка. Где-то на юге – стольный град Киев, в котором мазу держал некий Игорь, который, говорили, княжил послабже, чем его предшественник Олег. В Киеве бывали многие, в частности Слада и Мыш. Мыш, правда, по молодости лет почти ничего не помнил, а Слада утверждала, что город хороший, красивый, побольше самого Полоцка, не говоря уже о Малом Торжке. И земли на юге добрые, родят хорошо, если с дождями задержек нет. Одно плохо: степняки время от времени наезжают: дани требуют, а то и просто жгут, режут да в полон тащат. Но это дело обычное. Вон две осени тому нурманы, что шли вниз, от волока, пристали в Торжке, да и решили, волчья порода, пожить. Хорошо, Скольд с дружиной в кремле сидел, а нурманов было всего полтора десятка. Только грабить по дворам начали, Скольд со своими и ударил. Ну и народ, конечно, помог. Побили нурманов. А нурманы, кстати, в Киев шли, отметил Мыш, Игорю киевскому служить.

Олег, Игорь, Киевская Русь... Знакомые слова. Правда, из истории Серега мало что помнил. То есть помнил, что есть такое «Слово о полку Игореве», где вроде этого, а может, и не этого Игоря побили хазары... Или не хазары. Нет, хазары, это про Олега. Чего-то там «...сбегается вещей Олег отмстить неразумным хазарам...» А потом его еще змея укусила. «Злая гадюка кусила его, и принял он смерть от коня своего». Интересно, правда это или байка?

– Мыш, а Олег, который в Киеве княжил, как он умер, не знаешь?

– Как же не знаю! – самодовольно отозвался Мыш. – Стрелой его побили. В поле.

Понятно. Либо история про коня и змею – из фантазии летописцев, либо это не тот Олег и, соответственно, не тот Игорь, а значит, знаниям Духарева о здешнем будущем – грош цена. Хотя им и так и так грош цена. Ничего он не помнит. 1242 год. Ледовое побоище вроде? Новгород, Александр Невский. Святой. Литпамятники. «Слово о полку Игореве». Это, может, и в тему, но от знаменитого «Слова» в памяти – одно название. А Игоря, кажется, древляне убили. Или не Игоря? А Владимир Русь крестил. Тысячу лет назад. То есть еще не крестил. Значит, тысячный год еще впереди.

«Вот и определились с хронологией, – мысленно усмехнулся Духарев. – Что тут поделаешь? Раз не гожусь в пророки, буду осваивать другую специальность».

С другой специальностью, то есть с квалифицированным мордобитием на радость кредитоспособной публике, все обстояло замечательно. Новый Торжок был бойким местом. Вниз по Сулейке, от волока в Двину, постоянно шли лодьи. А по дорогам, тоже сходящимся к Торжку, торопясь использовать сухое время года, ползли возы с добычей лесовиков, со всем тем, что не успели отправить до весны, когда здешняя земля превращалась в сплошную непроходимую топь. Часть добычи скупали торжковские купцы, часть – пришлые. Учетная доля отходила князю. За этим присматривали Скольдовы приказные. Лесодобытчики закупили снаряжение на зиму. Но в любом случае в руках торжковских оставалась немалая толика серебра: азиатских дирхемов, ромейских монет с профилями императоров, рубленых славянских кун, витых гривен, резанов – совсем крохотных огрызков всего лишь по несколько граммов весом. К некоторому удивлению Духарева, выяснилось, что ни молодой, только что вокняжившийся полоцкий князь Роговолт, ни киевский Игорь монет не чеканили. Серебро все брали по весу. Еще учитывали качество. Те, кто в этом разбирался. Золото было в ходу только у самых знатных.

Расплачиваться золотом, скажем, за наконечники для стрел или лисьи шкурки никому в голову не приходило. И на кон тоже ставили в основном серебро, иногда – ценные вещи по цене, что, впрочем, Серегу, Чифаню и остальных вполне устраивало. Кстати, наживались они в основном на пришлых. Торговые гости, скажем, из Плескова ставили своего борца и, соответственно, ставили тоже на него. Если пришлый борец оказывался Сычку не по силам (такое случалось все реже, но все-таки случалось), ставки удваивались, и в круг выходил Духарев. Серега же, вполне изучивший здешнюю народную манеру: «Дави сильнее, бей размашистей, авось попадешь!» – «делал» соперников играючи. Именно играючи, то есть давал возможность противнику помахать кулачищами и даже создать иллюзию близкой победы. И заваливал соперника быстро и аккуратно. Эффектные броски и прочее он оставлял Сычку. Такая «экономная» техника частично скрывала Серегины возможности и создавала у зрителя ощущение, что победа Духарева – случайна. А значит, можно рискнуть и поставить против него еще раз, особенно если против Сереги выступали двое или трое одновременно. Труднее всего было, когда против Духарева становился не какой-нибудь кузнечный подмастерье, с пудовыми кулачищами, а соблазнившийся вой³ из торговой дружины или даже сам купец, обиженный тем, что его ставленника вываляли в пыли. Эти ребятки бились совсем по-другому, но и их было заваливать не так уж трудно. Привычка к оружию делала их ущербными к рукопашной. Некоторые даже настаивали, чтобы им разрешили пользоваться дубинкой или шестом. Дескать, это ж не меч, а так, пустяковина. Вот в том же Новгороде, когда концы стенка на стенку идут, дубинка или там кистень деревянный не возбраняются. Новгородец Сычок готов был пойти на уступки, но Духарев был тверд. Никаких предметов. И установка себя оправдывала. За все это время Серега не только ни одной травмы не получил, но и даже мало-мальски сильного удара не пропустил. Главное – не дать себя схватить. Какой-нибудь кожемяка с пальцами, как клещи, запросто мог кусок мяса из бока вырвать.

Дела шли хорошо. Бочонок в семейном подполе понемногу наполнялся серебришком. Слада ходила торговать в свою лавочку в самоцветных бусах, которые стоили дороже всех трав и зелий в лавочке, вместе взятых.

Серега бы и золотом Мышову сестренку украсил, но Мыш отсоветовал. Не по званию ей золото носить.

Вследствие ли бус или еще по какой причине, но у Слады вдруг объявился жених. И не кто-нибудь, а старый приятель Сереги Трещок. Причем с девушкой Гораздов подручник даже разговаривать не стал, а заявился к «старшему в роду», то есть Духареву.

Наслышанный о Серегиных вкусах, Трещок приволок бочонок, который они на пару с Духаревым в процессе разговора и приговорили. Набравшийся Трещок, у которого и по трезвяни язык был, что помело, бесхитростно выложил свои расчеты. Рассчитывал же он взять с родичей Слады хорошее приданое, поскольку «сами ж видите; девка что ни лицом, ни телом не вышла», а он, Трещок, – мужчина видный. Может, и родит от него девка что-нибудь приличное. Тут Трещок самодовольно погладил бороду и приосанился. У Сереги появилось большое желание взять «видного мужчину» за бороденку и выкинуть за ворота. Но Духарев сдержался, решил дальше послушать. И очень скоро узнал, что внешность да худородность невесты жениха, конечно, смущают, но он готов с этим смириться, поскольку работница Слада не ленивая, да и лекарка. А для мужских утех и рожания крепких отпрысков у Трещка ведомая, то бишь главная жена имеется. Так что пусть Серегей не думает, что Трещок такой глупый. Ну, сколько Духарев отстегнет, чтобы с ним, Трещком, правильным купецким пацаном, породниться?

Наивная самоуверенность Трещка обескураживала. Духарев даже слегка растерялся. Трещок продолжал трещать, а Серега думал, как бы его, убогого, выставить, не зашибив.

³ Вой – воин не княжьей дружины, ополченец или купеческий охранник.

Надумал.

– Значит,– произнес он,– ты думаешь, что мне с тобой породниться – честь?

– А то! – гордо подтвердил Трещок.

– А я думаю: это тебе со мной породниться – великая честь!

– Чаво? – от удивления Трещок даже протрезвел немного.

– Того! – отрезал Духарев.– Приданого я не дам. Хочешь Сладу в жены взять да мне родичем стать – плати пятьдесят гривен. Тогда бери.

Дар речи Трещок сумел восстановить только через пару минут. Наверное, это был рекорд молчания для бодрствующего Трещка.

– Ты это... ума лишился? – тихо спросил Гораздов подручный.

Сереге пожал плечами:

– Я сказал – ты слышал.

– Ага... Слышал.

Трещок подобрал с лавки шапку, поглядел на Духарева с жалостью, как на душевнобольного:

– Бывай здоров, Серегей!

И ушел.

– Эх ты! – в сердцах бросил Духареву Мыш, который подслушивал под окном.– Зачем справного жениха прогнал? Кто ж ее, непригожу да безродну, теперя замуж возьмет?

– Я,– сказал Сергей.

**Глава девятнадцатая,
в которой Сереге Духареву неоднократно предлагается
связать себя брачными узами,
Чифаня приобретает транспортное
средство, а в заключение ставится под
сомнение славянское происхождение Духарева**

– Я,– еще раз, спокойнее, повторил Духарев.– Или вашим законом это не дозволено?

– По Правде? Нет, по Правде можно. Токо глупо это.

– Почему – глупо?

– Смыслу нет,– Мыш поглядел на названного брата снизу вверх, но – покровительственно.– Ты ж так и так наш родич. Вот ежели бы она была не сестра, а жена моя, а меня убили,– тогда ты б ее взял. По чести. А так – чего? Хошь жениться? – Мыш оживился.– Так я те вмиг невесту найду! Хошь – из Чифаниных сестер кого сговорим? Любиму ты по сердцу. Ну, по рукам?

– Ты лучше заткнись, Мыш,– тоскливо проговорил Духарев.– А то ведь не удержусь, врежу тебе пониже спины!

– Нет, ну ты дурной, что ли? – Мыш постучал себя по лбу.– Ну на что тебе на Сладке жениться?

– По-твоему, я хуже этого рыжего хвастуна? – набычился Духарев.

– Не, не хуже!

– Так в чем же дело? Или она – не твоя сестра?

– Сестра,– согласился Мыш.– Но ты-то – мой побратим!

Заявлено было так, словно этим все сказано.

– Все! – отрезал Серега.– Я решил. А ты... В общем. Сладе пока не говори,– заключил он.– Сам скажу, когда... когда... В общем, когда надо будет.

– Нет, правду сказал Трещок: ты точно ума лишился! – объявил Мыш.– Или его у ты и не было, ума-то? – и отскочил раньше, чем Духарев вознамерился отвесить ему подзатыльник.

Чифаня купил коня. Верхового. За две гривны. Просто так. Это считалось роскошью. Купить коня не для рабочей надобности, а для удовольствия. Конечно, собственные лошади были у многих. У огнищан. У купцов. У гридней. Хотя гридни коней покупали редко. Брали жеребенка подходящих кровей и приучали. К себе, к бою. К такому коню чужому человеку и подойти было рискованно: забьет.

Чифаня приобрел себе обычного серого в яблоках небольшого коника со смешным, обреченным почти под луковицу хвостом. Кличка у животного была Шалун. Но продавец уверял, что конек необычайно спокойный.

И тут Серега обнаружил довольно странную вещь: отсутствие стремян. Серега, конечно, на крутого лошадики не тянул: так, катался пару раз в Сосновке для развлечения, но отсутствия стремян не заметить не мог. Все остальное: седло, уздечка, подпруга – имелось. А стремян не было. При том, что у других наездников Духарев стремяна видел. Правда, далеко не у всех.

Чтобы усесться в седло, Чифане пришлось использовать помощь Сычка. Всадник из Чифани был – так себе. Сидел в седле примерно как... сам Духарев. Но вид у Любимова внука был гордый донельзя. Тем не менее он разрешил и друзьям прокатиться.

Мыш воспользовался приглашением немедленно, однако, оказавшись в седле, проявил, скажем так, осторожность. Проехался шагом от одних городских ворот до других и обратно

и не без облегчения слез. Серега, хотя и вспрыгнул в седло без посторонней помощи, тоже в галоп пускать конька не стал. И дал себе зарок: поучиться при возможности верховой езде. Конь, конечно, не автомобиль, но тоже средство передвижения. Для начинающего Шалун был конем идеальным. Послушным, спокойным. Любимый аллюр у него был: пощипывать травку.

Из четверых приятелей лучшим наездником оказался Сычок.

Обмывать приобретение отправились не на постоянный двор, а к Белке. Ее заведение имело то преимущество, что располагалось на открытом воздухе, а следовательно, хозяин мог, не вставая из-за стола, созерцать у коновязи свое четвероногое приобретение.

Белка, рыжая бабища – минимум пятьдесят восьмой размер по кормовым обводам – лично подплыла осведомиться, довольны ли гости. При этом поглядывала на Серегу так многозначительно, что у Духарева возникли самые серьезные опасения на свой счет.

– А Белка-т на нашего Серегея глаз положила! – отметил Чифаня, когда хозяйка отплыла по хозяйственным надобностям.

– Ты давай, Серегей, не теряйся! – деловито сказал Сычок. – Баба справна, все при ей. Вдова, да не нища. Слы, Мыш, а давай мы его женим!

– А ты у него самого спроси! – фыркнул Мыш. – Хочет он жениться к Белке?

– А чево? – удивился новгородец. – Серегей! Ты глянь, какая баба! – Сычок, раскинув руки, обозначил Белкины габариты. – Ну не молодушка, зато пива твоего любимого у ней – хоть залейся. Ну и нам, конечно, чего-нибудь перепадет. Женись, Серегей! Тут и думать нечего!

– Вот сам и женись! – отрезал Сергей. – На бочке с медом твоим любимым!

– Да она ж за меня не пойдет! – совершенно серьезно возразил Сычок. – Я ж Любимов закуп.

– Так откупись, – посоветовал Духарев. – Занять?

– Да есть у меня! – отмахнулся Сычок. – Че я, дурной, откупаться? Меня ж Любим враз со двора погонит. Так, Чифаня?

– Это точно, – согласился Любимов внук.

– А тебе она не откажет, – продолжал напирать новгородец, которому идея халявной выпивки понравилась необычайно. – Ты парень видный!

Тут он был прав. Теперь Серегу уже никто не считал бы голытьбой. Прикинут он даже получше Чифани, ростом и плечами и раньше был не обижен, да и лицом, по местным меркам, вполне стал пригож, когда оброс светлой бородкой и сменил питерский синевато-зеленоватый цвет физиономии на здоровый торжковский румянец.

Сычок между тем продолжал описывать несравненные преимущества женитьбы на хозяйке харчевни. Когда он по третьему кругу принялся восхвалять достоинства здешних подвалов, Серега не выдержал.

– Все! Достал! – зарычал он. – Еще слово – и в глаз, понял?

Сычок моментально заткнулся, поглядев опасливо на Серегин сжатый кулак.

С кулаком этим Сычок был знаком достаточно близко и продолжать знакомство в условиях приятного отдыха совершенно не желал.

Через некоторое время к ним за стол подседа компания Чифаниных приятелей во главе с пушным добытчиком Шубкой. Шубка активно сколачивал ватажку, чтобы, как только подморозит, двинуться в некие Черные Мхи – на охотничий промысел. Собственно, ватажку он уже почти собрал. Осталась мелочь – раздобыть денег на припасы и снаряжение. Будущие ватажники – парни бравые, но, увы, в основном пришлые, безденежные. Сейчас половина этих парней трудилась на Чифанина деда – за кормежку и мелкую – не разбогатеешь – поденную плату. Промысловый инвентарь тоже можно было взять у Чифанина деда, в кредит, но – за третью долю. А третью долю Шубке и остальным было жалко. Вот ежели бы сам Чифаня с ними пошел, глядишь, Любим сделал бы скидку. По мере уменьшения количества меда планы ватажки становились все грандиознее.

Чифаня слушал и помалкивал. Присматривался.

Через некоторое время Духарев и Чифаня отошли от стола по естественной надобности, а на обратном пути Серега спросил приятеля:

- Чифань, помнишь, как ты меня в тот первый день ошарашил?
- Биткой, что ли? Ну, помню.
- Она у тебя с собой?
- Она всегда со мной.
- А врежь-ка мне еще раз!
- Что, всерьез? – удивился Чифаня.
- Ага!

Чифаня молча сунул руку за пазуху, кистень свистнул... и шарик оказался в ладони Духарева. Как он и предполагал, это оказалось совсем не трудно. Не сложнее, чем поймать на лету теннисный мяч.

- А еще?

Чифаня крутнул шар на цепочке, выбросил руку... И Духарев опять поймал битку. На этот раз он заметил, что Любимов внук его шадит: придерживает руку.

- Да не жалея ты меня! – воскликнул он сердито.
- Ага, не жалея! А зашибу – виру кто будет платить?

Чифаня огляделся. На лавке, рядом с одним из его приятелей, лежала войлочная шапка, вроде тех, что надевали под шлемы здешние ратники.

- На-ка, надень! – потребовал Чифаня.

Серега нахлобучил войлочный колпак.

Чифаня отошел на шаг, размахнулся и ударил. Длинно, с вывертом... И с тем же результатом.

Минут десять Чифаня так и эдак пытался достать Духарева, но попал только один раз, по ребрам. Больно, но вполне терпимо.

- Все, – заявил он. И сунул кистень за пазуху.

Серега повернулся к столу... и обнаружил, что вся компания глядит на них, пооткрывав рты.

- Слышь, Серегей, – проговорил Сычок. – А ты, часом, не нурман?

Глава двадцатая

Без названия, но зато с эпиграфом

*Маленький человечек
На узком карнизе баини.*

*Он засыпает вечером.
Видит во сне нестрашное.*

*А раз бояться нечего,
Можно и покапризничать...*

*Маленький человечек
Спит на узком карнизе.*

Автор

Сергею снился Дом. То есть не его комнатуха в коммуналке на Дербях с видом на трамвайные пути. Просто Питер. Маленькая кафешка на Рижском проспекте, в которой они плавно и систематически надирались с бывшим мастером спорта по биатлону, а теперь солдатом удачи Пашей Влакисом. Паша был старше Сереги на три года, и особой дружбы между ними не водилось. Больше того, Серегу уже выперли из универа, и армия ждала его, широко распахнув гноящиеся «горячими точками» объятия. Следовательно, будущий салабон Серега Духарев и профессиональный наемник Паша Влакис могли этак через полгодика сойтись по разные стороны «передка» в терпеливой снайперской дуэли. И победа в этой дуэли наверняка принадлежала бы Паше, а не Сереге, поскольку Паша стал профи еще в Молдове, а стрелял всегда лучше, чем Духарев.

Об этом не говорили. О войне сначала вообще не говорили, потому что Паша сразу заявил: не будем. Но после литровой бутылки «Смирнова» разговор все-таки сполз на острую тему.

– Главное – не выживайся! – Влакис глядел на Серегу налившимися кровью глазами. Он был пьянее Духарева, но заметно это было лишь по легкому прибалтийскому акценту, прорезавшемуся в его речи. – Сиди тише, зарывайся глубже. Вперед не лезь. *Никогда*. Тебе платят бабки за кровь.

Влакис забыл, что Духареву никто платить не собирается. Серегину кровь государство получит на халяву.

– Тебе платят бабки – вот и все. Какой-то козел наваривает грины на крови и платит тебе, чтобы ты жрал говнище вместо него. И ты жрешь. Потому что тебе платят. Но если ты при этом громко чмокаешь и просишь добавки, то ты – полный... Короче, давай! За жизнь! Чтобы она, сука, нас не динамила! – Они выпили, закусили горелыми котлетками – им было все равно, чем закусывать, – и Влакис продолжал: – Там, бля, так: чемпионов нет. Чемпионы в Думе заседают. А кто в броне жарится, тот всегда в ауте, понял? Попал в говно – не чирикай, понял?

– Понял, – сказал Серега.

– Молодец, – похвалил Паша. – Ты, главное, не выживайся. И вперед не лезь. Назад тоже не лезь. В середке держись. Но не в куче. Один. По одному «градом» утюжить не будут. То есть первое – выжить! Понял?

– А второе?

– Выжить!

– А третье?

– Выжить! Не сдохнуть! И первое, и сто, бля, девяностое! Выпьем!

Выпили.

– Слушай, Паша, а на хрена тебе все это надо? – спросил Духарев. – Ты что, иначе не можешь деньги зарабатывать?

– Могу! – Влакис энергично кивнул. – Не, не могу! Не в смысле бабок! По фиг, дым! Это, блин... Короче, Серый, живем раз, понял! И жить надо остро! С кайфом! Чтобы впереди все горело, а сзади, то есть позади, – все рыдало! А ты идешь, блин, остро! В кайф! Потому что живой, бля! Потому что вокруг все дымится и кишки на проволоке, но не ты горишь, и кишки – не твои, понял! А ты живой! Ты, бля, сидишь в чужом говнище по яйца, и все у тебя трясется, как у психа, а ты, бля, сигаретку шмалишь – и такой кайф, понял! Не, Серый, ты не поймешь! Короче, выпьем!

Как ни странно, но Серега понял. Не то чтобы въехал, но башкой уразумел. И выводы сделал. Свои. Нет, кайфа от сидения в говне или от чужих кишок на колючке он ловить не научился. Но принцип понял. Будешь страдать: как же это я так залетел? Как же это: меня – и убить хотят? Угодил в болото – не хлопай крыльями. Но и клювом не щелкай. Тогда выберешься. И грязь отмоешь. И если пуля не в башке застряла, а только по затылку чиркнула, то это тоже пруха. Но еще лучше башку под пули вовсе не подставлять. Все же человек, а не змей Горыныч. Одна она у человека, башка-то!

Почему Сереге приснился Паша Влакис, которого он и не видел с тех пор ни разу? Кто ж это знает? Но проснулся Серега до петухов. Сна не было.

Серега вышел во двор, постоял, поглядел на белые игольчатые звезды, подышал чистым воздухом. Двор, забор, за забором – чужой странный город. За городом – река. На реке рыба плещет и лягушки квакают. Река – настоящая, это точно. Да и город, наверное, тоже настоящий. Наверное...

Серега медленно пересек двор, открыл калитку. За калиткой не было ничего. Пустая тьма...

Серега постоял немного, держась за столб, затем осторожно закрыл калитку, повернулся и пошел в дом.

Досыпать.

Глава двадцать первая, из которой можно кое-что узнать о сексуальных традициях Нового Торжка

Сергеа взял у Мыша холстину и вытер взмокшую грудь. Зрители понемногу расходились. Те, кто ставил на Духарева, толпились вокруг Чифани. Таких было много: Серега стал признанным лидером. Против него закладывались только пришлые да еще такие, кто надеялся за грош получить гривну.

Круглощечная босоногая бабенка в кике⁴ с «рожками» протянула ему кувшинчик с квасом. Серега опростал его в три глотка.

– Спасибо, родная!

Бабенка загадочно улыбнулась, взяла его за руку и потянула за собой. Серега противиться не стал: ему было любопытно.

Любознательность Духарева была удовлетворена очень скоро. Бабенка увлекла его в какой-то сарайчик, сняла головной убор, под которым оказалась белая коса толщиной почти с Серегино запястье. Бабенка нежно улыбнулась и завалилась на спину, на сено, задирая юбки. Моды на нижнее белье в Торжке не водилось.

– А голову мне не отрубят? – осведомился Духарев.

– Дурачок! – Бабенка облизнулась. – Все видели, как я те испить дала! Ну давай же, давай!

Сергеа поглядел на раскинутые округлые ножки с грязными пятками, подумал: наверное, не стоит...

⁴ Головной убор замужней женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.